05 (Р)
Т29
1897
кн. 48 №48
792.05
Т.040

Годъ 7-й. 1897 г.

ТЕАТРЪ.

„ВОЛЬНАЯ ПТАШКА"
Ком. въ 3 д.
И. А. Салова.

Знакомая тропинка.
пов. С. Т.

ПРИЛОЖЕНІЕ:
портретъ
Н. Н. ВАСИЛЬЕВОЙ.
(„Василиса Мелентьева"-
Царица Анна.)

Книга 48. № 148.

Открыта подписка на 1898 г.

годъ III. **НА ЖУРНАЛЪ** **годъ III.**

„ЧИТАТЕЛЬ“.

Цѣль журнала—доставить подписчикамъ возможность составить за крайне дешевую цѣну

СОБСТВЕННУЮ БИБЛІОТЕКУ.

Въ программу журнала входятъ: а) БЕЛЛЕТРИСТИКА, б) ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ СТАТЬИ, в) КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ и г) СМѢСЬ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПОМѢЩАЮТСЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ: проф. Н. И. СТОРОЖЕНКА, проф. Н. И. ИВАНОВА, гг. А. В. АМФИТЕАТРОВА, К. С. БАРАНЦЕВИЧА, И. Л. ВЕЛИЧКО, проф. А. Е. ВЛАДИМІРОВА, кн. М. Н. ВОЛКОНСКАГО, Д. ГАРИНА, П. П. ГНѢДИЧА, кн. Д. В. ГОЛИЦЫНА (МУРАВЛИНА), В. А. ГОЛЬЦЕВА, Е. П. ГОСЛАВСКАГО, А. А. ДУГОВОГО, Д. Н. МАМИНА, В. М. МИХЕЕВА, Н. М. НИКЕЖИНА, ВЛ. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО, В. А. РЫЩКОВА, П. А. САЛОВА, В. И. СВѢЖОВА, С. Т. СЕМЕНОВА, Н. А. СЕРГѢЕНКО, С. И. СМИРНОВОЙ, К. М. СТАНЮКОВИЧА, М. К. СѢВЕРНОЙ, проф. К. А. ТИМИРЯЗЕВА, В. А. ТИХОНОВА, С. Н. ФИЛИППОВА, В. ФИРСОВА, Ант. П. ЧЕХОВА, профес. А. И. ЧУПРОВА, О. Н. ЧЮМИНОЙ, И. Л. ШЕГЛОВА, В. Р. ЩИГРОВА, академика И. И. ЯНЖУЛА и др.

ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА „ЧИТАТЕЛЬ“ состоитъ изъ **50** книгъ отъ 96 до 208 (въ среднемъ не менѣе 128 стр. въ каждой) страницъ каждая формата $^1/_{16}$.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА—за годъ 5 р.

съ доставкой и пересылкой 6 руб.

Каждая изъ книжекъ „ЧИТАТЕЛЯ“ вмѣщаетъ въ себѣ одно или нѣсколько

ЗАКОНЧЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ. **10 к.**

Каждая книжка обходится при подпискѣ

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится—безъ доставки 2 руб., съ пересылкой—3 руб., затѣмъ къ 1 февр., 1 марта и 1 апрѣля по 1 руб.

Отдѣльные нумера по 20—80 к. съ пересылкой.

Полные комплекты „Читателя“ за 1896 и 97 годъ продаются по 10 руб. безъ перес. и по 14 р. съ перес.

Въ 1898 году къ журналу будетъ приложено свыше **250** отпечатанныхъ внѣ текста снимковъ съ картинъ и портретовъ выдающихся дѣятелей въ области науки, искусства и литературы. Большинство снимковъ автотипіи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ съ платою за каждый разъ 40 р. за страницу, 30 р. за половину, 20 р. за 1/4 стран.

Подписка принимается и отдѣльные нумера продаются въ конторѣ журнала „Читатель“ (Москва, Страстной бул., д. Адельгейма), *въ отдѣленіяхъ конторы:* въ С.-Петербургѣ при книжн. маг. г. М. Вольфа (Невскій, 42), въ Москвѣ: въ конторѣ типографіи Чулкина, Большая Дмитровка, св. д., при книжн. маг. „Труда“, Тверская ул., у Н. П. Печковскаго, въ Кіевѣ, въ кн. маг. Идзиковскаго, въ Харьковѣ, въ складѣ „Южнаго Края“, въ Томскѣ и Иркутскѣ, въ кн. маг. Макушина. Кромѣ того, во всѣхъ книжн. магаз. Вольфа, Думнова, Карбасникова и Суворина и въ Ростовѣ-на-Дону, Галотскомъ Агентствѣ. Для юга Россіи и Болгаріи въ кн. магазинахъ К. Н. Рассохова въ Одессѣ.

„ТЕАТРАЛЪ“

Р1-
Т38

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Годъ 7-й. № 148. Книга 48-я.

280035 V

1897 годъ.

Пенз. Обл. биб-ка
им. М. Ю. Лермонтова

МОСКВА.
Типографія Придв. Поставщ. И. Г. Чистякова, Вол. Дмитровка, соб. д.

Духи ПРИДВОРНЫЙ БУКЕТЪ

за флаконъ 1 рубл

Поставщиковъ ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА

А. РАЛЛЕ и К°.

Запахи Придв. Америсъ Ралле.
„ Ландышъ Ралле.
„ Иланг-Иланг Ралле.
„ Віолетъ Ралле.
„ Геліотропъ Ралле.
„ Опопонаксъ Ралле
и другіе.

Москва, Кузнецкій Мостъ и Верхніе Торговые ряды, 34/44. **С.-Петербургъ**—Невскій, № 18 и Садовая,—25. **Одесса**, уг. Ришельевской и Дерибасовской.

УКАЗАТЕЛЬ 953 ПЬЕСЪ

для

ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ.

Съ обозначеніемъ ролей по амплуа и нужныхъ декорацій.

составленъ

Н. Г. Леонтьевымъ.

Цѣна **50** к., для подписчиковъ на журналъ „Театралъ", выписывающихъ непосредственно изъ конторы журнала „Театралъ"—**25** коп.

742/(15)
52020

ВОЛЬНАЯ ПТАШКА.

Комедія въ 3 дѣйствіяхъ.

И. А. Салова.

Къ представленію дозволено. С.-Петербургъ, 2-го сентяб. 1897 года. № 6741.

Разрѣшеніе къ постановкѣ на сценахъ зависитъ отъ мѣстнаго агента Общества Русск. Драмат. Писателей.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Трухачевъ, разбогатѣвшій кабатчикъ, лѣтъ 50.
Сарматовъ, старикъ, лѣтъ 70.
Феопентовъ, его другъ дѣтства, но несравненно бодрѣе и живѣе его, лѣтъ 65.
Понизовскій, оперный пѣвецъ, лѣтъ 35.
Крафтъ, медикъ, лѣтъ 40.
Подметкина Людмила Петровна, лѣтъ 25.
Глухой Карабановъ, лѣтъ 70.
Разбитная Карабанова, его жена.
Фрося, горничная Подметкиной.
Поваръ, ея же.
Горничная при номерахъ.
Молодецъ изъ лавки.

Дѣйствіе происходитъ въ провинціи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Маленькій номеръ въ гостинницѣ. Въ правой стѣнѣ два окна. Возлѣ окна на авансценѣ накрытый

скатертью столъ, на немъ кипящій самоваръ и все необходимое для чаю. Передъ столомъ кресло. Въ простѣнкѣ небольшой столъ, на которомъ письменныя принадлежности. Въ задней стѣнѣ входная дверь, возлѣ которой на вышалкѣ виситъ шинель съ капюшономъ и потертымъ бархатнымъ воротникомъ. Рядомъ на другой вѣшалкѣ порыжѣвшій отъ времени цилиндръ. Въ лѣвой стѣнѣ дверь въ спальную. Неподалеку комодъ, надъ нимъ зеркало. Остальная меблировка обыкновенная.

Всѣ указанія отъ зрителя.

При поднятіи занавѣса горничная смазливая, но растрепанная съ засученными рукавами, непричесанная подметаетъ номеръ, изрѣдка посматривая на лѣвую дверь.

1) **Горничная** *потомъ* **Сарматовъ.**

Горн. А мой старикашка заспался что-то, хошь бы успѣть убрать до него комнату, а то опять ворчать зачнетъ (*заслышавъ за лѣвой дверью кашель*). Ну закашлялъ, сейчасъ приползетъ значитъ.

Сар. (*Выходитъ изъ лѣвой двери на немъ старенькій халатъ и туфли*). Опять не убрала... Однако ты копаешься, сударыня. (*Нюхаетъ табакъ изъ табакерки*).

Горн. Поневолѣ не уберешь, коли на двадцать номеровъ одна горничная... Тутъ звонятъ, тамъ звонятъ... Не разорваться же...

Сар. Вотъ этимъ-то и не хороши ваши номера...

Горн. (*Перебиваетъ*). За то на счетъ остального, сударь...

Сар. (*Топнувъ ногой*). Не сударь я, а баринъ... Нынче сударемъ всякую сволочь величаютъ, а я баринъ настоящій, не кое-какой... Вотъ какого-нибудь Феопентова ты можешь называть сударемъ...

Горн. Это пріятеля-то вашего?

Сар. Да, пріятеля. А пріятели мы съ нимъ потому только, что въ дѣтствѣ вмѣстѣ озоричали, по деревьямъ лазили, въ козанки играли. Разница въ томъ только, что мой отецъ былъ помѣщикъ, а его—дьячекъ въ нашей церкви. Мой отецъ въ десяти каретахъ ѣздилъ...

Горн. Въ десяти?..

Сар. А его то въ лаптишкахъ ходилъ... Поняла?..

Горн. Поняла, поняла...

Сар. Такъ вотъ и не смѣй меня называть сударемъ: я баринъ.

Горн. (*Смѣясь*). Слушаю, баринъ, слушаю... (*перемѣнивъ тонъ*). А это вы неправду сказали, что въ нашихъ номерахъ жить нельзя, потому прислуги мало... За то на счетъ остального прочаго спокойно... Ниито на квартирѣ жимши полусоткой въ мѣсяцъ обойдешься? Какъ бы не такъ... По нонѣшнимъ временамъ одной прислугѣ сколько надоть заплатить, а въ номерахъ то у васъ все готово: и обѣдъ, и ужинъ, и самоварчикъ, и сапожки вамъ почистятъ, и комнату уберутъ, и въ лавочку сбѣгаютъ, и газету принесутъ...

Сар. (*Усѣвшись за чайный столъ*). А гдѣ газета?

Горн. (*Указывая щеткой на комодъ*). А энто что не видите?

Сар. (*Заваривая чай*). Сколько разъ говорилъ: сюда класть газету, на столъ, подлѣ самовара... Здѣсь она на глазахъ, а тамъ то на комодѣ чертъ ее увидитъ и прочесть то забудешь...

Горн. Все забываю, сударь...

Сар. Не сударь я... Баринъ, вотъ я кто...

Горн. Тьфу...

Сар. Любовники въ головѣ-то?..

Горн. Что ужъ это вы, баринъ, поди, я невѣста...

Сар. (*Улыбаясь*). Ну?..

Горн. Сейчасъ сдохнуть...

Сар. Давно-ли, мамуличка?

Горн. Со вчерашняго числа-съ...

Сар. Не врешь?

Горн. Сохрани меня Господи. Хошь сами спросите... Вы и жениха-то моего знаете...

Сар. Кто такой?

Горн. Колидорный изъ главнаго колидора—Иванъ.

Сар. Это усастый то такой?

Горн. Ну да, красивый, молодцоватый...

Сар. Поздравляю, родимушка, поздравляю...

Горн. Одно только плохо... Слѣдовало бы къ свадьбѣ платьице новенькое, дипломатикъ, бѣльишко кое-какое справить... А гдѣ взять-то? Колидоришко у меня нищенскій: актеришки больше, да живописцы живутъ, а отъ такихъ жильцовъ какъ отъ кошки—лепешки, отъ собаки—блиновъ... А дѣло то мое сиротское, ни отца, ни матери...

Сар. Погоди... Двѣсти тысячъ выиграю—подарю...

Горн. (*Разсмѣявшись*). Дождешься... Нѣтъ, вы, коли милость ваша будетъ, сейчасъ бы на платьице рубликовъ десятокъ подарили: и ручки, и ножки бы расцѣловала...

Сар. И далъ бы, мамуличка, да нѣтъ ни гроша...

Горн. То-то и горе то наше... Сунешь руку въ карманъ, хвать, дыра въ горсти. Спасибо десятый номеръ десять рублей далъ, дай Богъ ему здоровье...

Сар. Какой такой десятый номеръ? (*Какъ разъ въ этотъ моментъ Понизовскій выводитъ разныя рулады*).

Горн. А вотъ тотъ самый, что распѣваетъ то сейчасъ.

Сар. А, оперный то пѣвецъ Понизовскій?

Горн. Ну вотъ, вотъ... Ахъ и душа только доб-

рѣющая. (*Раздается стукъ въ дверь*). Ну стучитъ кто-то. Это онъ, мотри.

Голосъ **Пониз.** Можно взойти?..

Сар. Можно...

Горн. Онъ, онъ... (*Суетливо убираетъ комнату*).

2) Понизовскій.

Пон. Здравствуйте, серъ, какъ поживаете?

Сар. Плохо, мамуличка...

Пон. То-то васъ и не видно было вчера у обѣдни...

Сар. А вы были?

Пон. Конечно.

Сар. И небось все время съ Подметкиной болтали? (*Шутливо грозитъ ему пальцемъ*).

Пон. Грѣшенъ, серъ, грѣшенъ, поболталъ... Вѣдь мы съ ней давнишніе друзья, когда то служили вмѣстѣ... Я въ качествѣ пѣвца, конечно, а она танцовщицей. Насъ связываетъ такъ сказать артистическая дружба...

Сар. Хе-хе-хе...

Пон. Что вы смѣетесь? Правду говорю вамъ, артистическая дружба. (*Перемѣнивъ тонъ*). Ахъ, да газетку получили?

Сар. Получилъ, душарочка...

Пон. Про меня, говорятъ, пишутъ что то, не читали?

Сар. Не читалъ еще, голубушка.

3) Докторъ.

Пон. А вотъ и самъ эскулапъ! (*протягивая ему руку*) Богдану Богдановичу мое почтеніе.

Докт. Здравствуйте, г. Понизовскій, (*Сарматову*) Ивану Андреевичу мое почтеніе.

Пон. Ну не хочу мѣшать вамъ... Такъ можно взять газетку на минутку? Я тотчасъ же возвращу.

Сар. Пожалуйста, мамуличка.

Пон. До свиданія. (*Беретъ газету и уходитъ, напѣвая*).

Докт. (*Беретъ стулъ и подсаживается къ Сарматову*). Ну-съ, какъ мы поживаемъ?

Сар. (*нюхая*). Скверно, моя красавица.

Докт. Желудокъ плохо дѣйствуетъ?

Сар. Совсѣмъ плохо.

Докт. Микстурку мою принимали?

Сар. Толку нѣтъ... Ужъ я теперь соленыя груздочки началъ ѣсть. Баба одна посовѣтовала... Много лучше дѣло пошло.

Докт. И отлично.

Сар. А вотъ горе-то: память совсѣмъ ослабла, родимушка... Вчера, напр., пріятель одинъ завернулъ... Сидимъ, разговариваемъ... А я еще говорю съ нимъ, а самъ смотрю на него и никакъ не могу припомнить фамиліи... Вотъ вѣдь потѣха то. Пріятель смѣтилъ.—«Вы что это, говоритъ, такъ пристально смотрите на меня?»—Такъ и такъ, говорю, не могу припомнить вашей фамиліи. «Это, говоритъ, случается съ нашимъ братомъ... Я, говоритъ, и самъ забылъ вашу фамилію...» А немного погодя вспомнили... До слезъ хохотали...

Докт. А у васъ что то въ животѣ бурчитъ?

Сар. Это груздочки дѣйствуютъ. Вечоръ я цѣлую тарелочку съѣлъ и съ такимъ аппетитомъ...

Пон. (*Возвращается съ прочитанной газетой*). Ну вотъ вамъ и газета, серъ.

Сар. Успѣли ужъ прочитать?

Пон. Прочиталъ.

Докт. Я тоже прочиталъ сегодня статью про васъ... До небесъ превозноситъ.

Пон. (*Весело*) Это какъ водится...

Докт. Всѣ въ восторгѣ отъ вашего пѣнія, особливо дамы... Онѣ просто влюблены въ васъ...

Сар. Хе-хе-хе... (*Нюхаетъ*).

Пон. (*Фамильярно хлопая доктора по плечу*). Въ томъ то и горе, милѣйшій мой Богданъ Богданычъ, что не въ меня и не въ мой голосъ, а въ мои роли... И дѣйствительно, какъ не влюбиться въ демона, напр., который сулитъ своей возлюбленной сдѣлать царицей міра. (*Расхохотавшись и потирая руки*). Вѣдь соблазнительно, чортъ возьми... (*перемѣнивъ тонъ*). Однако до свиданія, господа: пора на репетицію. (*Уходитъ, напѣвая что то изъ Демона*).

4) Сарматовъ и докторъ.

Сар. Веселый малый...

Докт. И веселый, и красивый... (*Перемѣнивъ тонъ*). А знаете-ли что бы я вамъ посовѣтовалъ?

Сар. Что, мамуличка?

Докт. Дачу бы нанять въ лѣсу гдѣ-нибудь, на берегу рѣки... купались бы... рыбку бы ловили...

Сар. Господи, вѣдь я объ этомъ только и мечтаю... Вѣдь я коренной рыболовъ. (*Съ удивленіемъ*). Знаете ли, когда я служилъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, я каждый день...

Докт. (*Перебиваетъ*). Дача вамъ необходима... Больше воздуху, больше моціону...

5) Феопентовъ. (*Входитъ суетливо, сбрасываетъ на ходу пальто, которое ловитъ на лету горничная, и торопливо стаскиваетъ перчатки*).

Феоп. Вотъ, вотъ... И я тоже говорю... Воздуху больше, моціону...

Сар. (*Подбѣгая къ Феоп. и стараясь обнять его*). Голубушка...

Феоп. (*Отталкивая Сар.*). Постой, не мѣшай... Ходи, бѣгай, играй въ горѣлки... Ружье купи...

Сар. Я рыболовъ, мамочка.

Феоп. А я говорю, купи ружье...

Сар. Стрѣлять не умѣю.

Феоп. Въ воздухъ пали... это все равно... Ходи по оврагамъ, по лѣсамъ, купайся, плавай...

Сар. Не умѣю.

Феоп. Пузыри купи... А главное дачу дачу. и дачу... Кстати у меня есть на примѣтѣ одна прелестная дача: въ лѣсу, на берегу рѣки, и купальня подъ носомъ... А воздухъ такой, какого въ раю никто не нюхалъ... И за всю эту благодать триста монетъ въ лѣто только...

Сар. Ха-ха-ха... А гдѣ ихъ взять?.,

Феоп. У меня займи... (*Увидавъ доктора, протягиваетъ ему обѣ руки*). Батюшка, Богданъ Богданычъ, отецъ родной, вотъ не замѣтилъ то...— Странность какая. Слышу: бормочетъ кто-то, а кто именно, не обратилъ вниманія... Здравствуйте, здравствуйте, какъ ваше здоровье?.. (*Увидавъ самоваръ*). А самоваръ... Отлично, превосходно... (*Горничной*). Эй, ты, какъ тебя, стаканъ мнѣ принеси, да калачъ горячій... (*Горничная бросается къ двери*). Постой, постой... (*Горничная останавливается*). Вы за компанію не хотите ли, Богданъ Богданычъ.—Нѣтъ? Не хотите? и отлично. (*Горничной*). Ступай, значитъ. (*Горничная уходитъ*). Ну присаживайтесь, Богданъ Богданычъ... Я чай буду пить, а вы посидите, кстати у меня до васъ дѣло есть. (*Докторъ садится*).

Сар. (*Обрадовавшись*). Ну вотъ и отлично, а я на минутку оставлю васъ...

Феоп. Ступай, и безъ тебя обойдемся... (*Сарматовъ торопливо уходитъ налѣво*).

6) Феопентовъ и докторъ.

Феоп. Какъ находите вы этого франта?

Докт. Сарматова?

Феоп. Что съ нимъ такое?

Докт. Астма.

Феоп. Отлично.

Докт. И порокъ сердца.

Феоп. Превосходно. А долго онъ можетъ прожить?

Докт. Не думаю.

Феоп. А средствъ, чтобы помочь, никакихъ?

Докт. (*Восторженно*). О, напротивъ, очень много и даже превосходныхъ. (*Пожимая плечами*). Но на практикѣ оказываются не дѣйствительными...

Феоп. Значитъ капутъ?

Докт. Всенепремѣнно...

Феоп. Скоро?

Докт. Годъ, два...

Феоп. Не больше?

Докт. Ни коимъ образомъ...

Феоп. Безподобно...

7) Молодецъ изъ лавки.

Молод. (*На немъ пиджакъ, бѣлый фартукъ, длинные сапоги, въ рукахъ фуражка*). Баринъ у себя будутъ-съ?

Феоп. Зачѣмъ тебѣ?

Молод. Да вотъ хозяинъ по счету деньги получить приказалъ.

Феоп. Сколько?

Молод. Тридцать рублей.

Феоп. Хорошо, ступай.

Молод. Хозяинъ такъ приказали: коли, значитъ, дома ихъ не будетъ, али, значитъ, къ примѣру денегъ не отдадутъ—прямо къ мировому...

Феоп. (*Передразниваетъ*). Значитъ къ нему и ступай. Онъ изъ своихъ заплатитъ.

Молод. Да, можетъ, баринъ и самъ отдастъ?

8) Горничная *со стаканомъ и калачемъ.*

Горн. (*Молодцу*). И не думай—не отдастъ... Денегъ нѣтъ ни гроша... Онъ и намъ второй мѣсяцъ не платитъ...

Феоп. (*Передразнивая*). Намъ, намъ.. (*Беретъ отъ нея калачъ и стаканъ*). Кому это: намъ? Ужъ не тебѣ ли?

Горн. Знамо, хозяину.

Феоп. Такъ и говори, а то намъ.. Ты прежде наживи такой домикъ то тогда и говори... Ну проваливай, чего торчишь?.. (*Горничная уходитъ*).

Молод. Значитъ и мнѣ уходить?

Феоп. А ты все еще не ушелъ?

Молод. Я къ мировому значитъ...

Феоп. Давно бы... (*Пьетъ чай*).

Молод. (*Уходя*). Будемъ судиться значитъ.

9) Феопентовъ *и* докторъ.

Докт. Признаюсь, я удивляюсь Сарматову: по рядочную пенсію получаетъ, живетъ скромно, а всегда безъ денегъ.

Феоп. Дуракъ—потому и безъ денегъ.

Докт. Даже мнѣ задолжалъ.

Феоп. Много?

Докт. За десять визитовъ.

Феоп. А вы къ мировому, чего на него смотрѣть то... (*Перемѣнивъ тонъ*). Вы удивляетесь, что у него денегъ нѣтъ, вѣдь онъ все еще на старый манеръ живетъ... Какъ при царѣ горохѣ жили, такъ онъ и теперь живетъ. Онъ даже и не подозрѣваетъ, что люди прогрессируютъ.. Ну можно ли въ наше время за кого-нибудь поручиться... Вѣдь вы не поручитесь за меня?

Докт. Ни за что на свѣтѣ...

Феоп. Точно также и я за васъ, а онъ, дуракъ, взялъ, да за кого то и поручился... Теперь ему, какъ поручителю, и приходится платить... Вѣдь вотъ куда она, пенсія то, уходитъ.

Докт. Да, это уже слишкомъ наивно.,. (*Смотритъ на часы*). Однако, онъ что то долго...

Феоп. А онъ вамъ нуженъ?

Докт. Нѣтъ, проститься хотѣлъ.

Феоп. А не нуженъ, такъ и ступайте съ Богомъ: все равно за визитъ не заплатитъ.

Докт. *(Вставая).* Главное дѣло—некогда: Трухачевъ просилъ заѣхать.

Феоп. (*Хохочетъ*). Знаю, знаю зачѣмъ.

Докт. Что онъ боленъ?

Феоп. Вчера у его танцовщицы музыкальная вечеринка была... Ну вотъ съ музыки то башка и трещитъ. (*Ударяя себя по лбу*). Признаться и у меня тоже.

Докт. Выпивка была?

Феоп. Была.

Докт. Какъ же это такъ? Самъ пишетъ проектъ о повсемѣстномъ уничтоженіи пьянства, а между тѣмъ...

Феоп. Вѣдь, это онъ о мужикахъ пишетъ, а господамъ можно.

Докт. (*Подавая руку*). Однако прощайте... Онъ просилъ пораньше пріѣхать. (*Прощается и уходитъ*).

Феоп. (*Одинъ*). Да лучше этого жениха подыскать трудно. Удовлетворяетъ всѣмъ нашимъ требованіямъ. Точно нарочно созданъ для такого случая. Какъ по заказу: и баринъ, и старъ, и слабъ и въ скоромъ будущемъ отправится къ предкамъ. На немъ и остановимся.

10) Феопентовъ и Сарматовъ. (*Онъ все еще въ халатѣ, но умылся и причесался*).

Сар. Ну вотъ и я, мамуличка... А гдѣ же докторъ?

Феоп. Уѣхалъ.

Сар. Какъ я радъ тебя видѣть, родимушка... Такъ радъ, что ты не можешь себѣ представить Ты совсѣмъ забылъ меня.

Феоп. Некогда, братецъ, некогда...

Сар. Адвокатничаешь все, дѣла одолѣли?

Феоп. Именно что одолѣли: даже къ тебѣ и то по дѣлу заѣхалъ...

Сар. Ну?..

Феоп. И даже по очень важному...

Сар. По какому такому, красавецъ?

Феоп. Хочу, братецъ, озолотить тебя. (*Сарматовъ хохочетъ*). Не шутя, говорю.

Сар. Золоти, золоти...

Феоп. (*Выходя изъ-за стола*). Хочу, чтобы ты жилъ настоящимъ бариномъ: въ приличной квартирѣ, съ приличной обстановкой, а не какимъ-то жуликомъ, который ни въ лавочку не платитъ, ни доктору, ни за квартиру и живетъ чортъ знаетъ на какомъ-то чердакѣ... Помилуй, вѣдь это срамота... Ты, баринъ—и въ такой конурѣ, въ которой ни свѣта, ни воздуха... Вѣдь это свинство. Теперь въ острогахъ и то о комфортѣ заботятся...

Сар. (*Перебиваетъ*) Постой, постой, мамуличка, во-перныхъ я привыкъ къ этому номеру, а во-вторыхъ: знаешь пословицу—«по одежкѣ протягивай ножки».

Феоп. Да вѣдь это все старыя истрепавшіяся пословицы, рухлядь, которую порядочные люди давнымъ давно на чердакъ повыкидали. Помни, братецъ, что мы наканунѣ двадцатаго вѣка... А знаешь-ли, чтобы я на твоемъ мѣстѣ сдѣлалъ?..

Сар. Что, милашка?

Феоп. Женился бы.

Сар. Кто же тебѣ мѣшаетъ?..

Феоп. Происхожденіе. А на твоемъ мѣстѣ не задумался бы...

Сар. (*Расхохотавшись*). А про лѣта то и забылъ?...

Феоп. Лѣта пустое дѣло...

Сар. Вотъ те разъ...

Феоп. Вѣдь я безъ шутокъ говорю. Хорошія деньги возьмешь.

Сар. Пошелъ ты...

Феоп. Постой, постой... Купца Трухачева знаешь?

Сар. Еще бы не знать милліонера.

Феоп. Ну такъ вотъ... У этого у самого у Трухачева есть племянница...

Сар. То-есть танцовщица?..

Феоп. Ахъ, Боже мой, точно племянница не можетъ быть танцовщицей...

Сар. И ее знаю: въ церкви встрѣчаемся.

Феоп. Вотъ вотъ... Тамъ-то она тебя и замѣтила и полюбила...

Сар. (*Расхохотавшись*). И насмѣшникъ же ты только, мамуличка...

Феоп. Постой, не перебивай. Ну вотъ... у этого Трухачева есть племянница, которую онъ очень любитъ. Самъ онъ человѣкъ вдовый. Дѣтей своихъ поженилъ и раздѣлилъ честь честью, а вотъ племянница то и осталась, такъ сказать, между небомъ и землей... Дѣвушка она прелестная...

Сар. (*Слащаво улыбаясь и потирая руками.*) Хорошенькая, чортъ возьми...

Феоп. Образованная: играетъ на фортепьянахъ...

Сар. Слыхалъ, братецъ, слыхалъ... Какъ-то разъ мимо ея квартиры проходилъ, а она играла. Я, признаться, остановился и долго слушалъ... хорошенькая... Вотъ только артистическая дружба у нея съ Понизовскимъ.

Феоп. Что-жъ такое... Мало ли кто съ кѣмъ друженъ... И мы съ тобой друзья, однако про насъ никто ничего дурного не скажетъ... Дѣло не въ этомъ... Надо тебѣ сказать, что она простая мѣщанка... И вотъ Трухачеву втемяшилось въ голову во-первыхъ дать ей имя и положеніе въ обществѣ, а во-вторыхъ—обезпечить ее и съ матерьяльной стороны. Вотъ на ней-то я тебя и хочу женить.

Сар. Ты съ ума сошелъ.

Феоп. Намъ требуется только имя... Повѣнчаешься, положишь деньги въ карманъ, и...

Сар. И?

Феоп. И потомъ, имѣя имя и приличное состояніе, она выйдетъ замужъ и сдѣлаетъ хорошую партію...

Сар. Это жена то моя?..

Феоп. Ахъ, Боже мой, не вѣкъ же ты будешь жить... Ну годъ проживешь, ну два. Что же такое —потерпить, не велика важность...

Сар. Ты думаешь, я больше двухъ лѣтъ не проживу?..

Феоп. (*Всплеснувъ руками*). Съ астмой-то, да съ порокомъ сердца?

Сар. (*Вскочивъ*). Больше...

Феоп. Никогда...

Сар. (*Кричитъ*). Больше. Пять, десять, двадцать...

Феоп. (*Тоже кричитъ*). Пари?..

Сар. Идетъ.

Феоп. На сколько?

Сар. На сто тысячъ... Нѣтъ, мало... на двѣсти.. на триста... на милліонъ чортъ возьми (*Феоп. хохочетъ*). Нечего хохотать-то, нечего хохотать... нечего. Я зналъ одного, полтораста лѣтъ жилъ. При спокойной и довольной жизни и я полтораста лѣтъ проживу...

Феоп. А гдѣ же у тебя эта спокойная-то жизнь? Уже не на этомъ-ли чердакѣ?

Сар. Другую квартиру найму...

Феоп. На какія это деньги?

Сар. (*Разгорячившись.*) Купаться буду, плавать... Ружье куплю, чортъ тебя возьми.

Феоп. Прежде чѣмъ ты ружье-то купишь, чортъ тебя возьми, тебя по судамъ затаскаютъ.

Сар. Кто это смѣетъ?..

Феоп. Двадцать разъ въ острогѣ сгноятъ.

842/05
52040

Сар. (*Ударяя себя въ грудь.*) Меня, меня въ острогѣ? Кто посмѣетъ?..

Феоп. Кредиторы—вотъ кто... и докторъ, и хозяинъ, и лавочникъ. Ужъ они всѣ къ мировому подали...

Сар. (*Топнувъ ногой.*) Лжешь...

Феоп Какъ? Я лгу?.. Я?..

Сар. Ты.

Феоп. Я? (*Бѣжитъ къ двери и звонитъ.*) Вотъ я тебѣ покажу, какъ я лгу... Я покажу... Ты думаешь, что ты баринъ, такъ тебя и пальцемъ не тронутъ... Нѣтъ, шалишь... (*Увидавъ вошедшую горничную, подбѣгаетъ къ ней.*) При тебѣ, молодецъ изъ лавочки приходилъ?

Горн. При мнѣ-съ.

Феоп. Зачѣмъ?

Горн. За деньгами-съ.

Феоп. А отсюда куда пошелъ?

Горн. Къ мировому, сказывалъ.

Феоп. А хозяинъ собирается къ мировому?

Горн. Хотѣлъ.

Феоп. Зачѣмъ?

Горн. Тоже на счетъ денегъ-съ...

Феоп. Ступай... (*Горничная выходитъ*). Убѣдился?..

Сар. (*Замѣтно опѣшившій.*) Да вѣдь я заплачу... Получу пенсію и расквитаюсь...

Феоп. Да у тебя и пенсіи то не хватитъ, чучело ты гороховое... А вотъ, кабы женился-то—тогда дѣло десятое. Тогда, батюшка мой, ты со всѣми долгами расплатился бы, да и жилъ то не жуликомъ, а бариномъ... Вотъ тогда то ты могъ бы и квартирку хорошенькую найти, и дачку... и купаться, и удить... При такой жизни, пожалуй, и подольше прожилъ бы, а при такой-то—мигнуть не успѣешь, какъ подохнешь...

Сар. (*Робко*). Ну?.. А много-ли дадутъ, мамуличка?

Гос. пуб-ка
им. М. Ю. Лермонтова

Феоп. Ты какъ, безъ торга желаешь?

Сар. Конечно... Что мы торгаши что-ли?..

Феоп. Тысячу монетъ дадутъ...

Сар. Маловато, мамуличка...

Феоп. Мало?

Сар. Конечно... Самъ посуди... По одному поручательству придется три тысячи заплатить, а затѣмъ должки мелкія.. Ты вотъ, касаточка моя, только трехъ кредиторовъ поименовалъ, а ихъ вѣдь больше... Прачкѣ долженъ, портному...

Феоп. Сколько же?

Сар. Тысячъ десять, я думаю...

Феоп. Десять?.. Не жирно ли будетъ?..

Сар. Вѣдь я тоже не кой какой... Ты читалъ что-ли формуляръ-то мой? Не читалъ?.. Такъ постой-же я покажу тебѣ, почитай... (*Бѣжитъ къ комоду и торопливо перебираетъ бумаги.*) Могу похвастаться, ни подъ судомъ, ни подъ слѣдствіемъ не былъ...

Феоп. Не надо, не надо...

Сар. Нѣтъ, погоди, мамуличка, я докажу тебѣ, какой я женихъ...

Феоп. Знаю я, знаю...

Сар. (*Не слушая и продолжая копаться въ комодѣ.*) Куда я его засунулъ?

Феоп. Говорятъ тебѣ, не надо...

Сар. (*Ударивъ себя по лбу.*) Вспомнилъ, въ ночномъ столикѣ... (*Убѣгаетъ въ лѣвую дверь*).

11) **Феопентовъ** *одинъ.*

Феоп. Строго говоря, можно накинуть... Онъ еще себѣ цѣны не знаетъ... На-днихъ, напр., и дешевый подвернулся, всего пять тысячъ запросилъ... Да тому и пяти копѣекъ дать нельзя... Въ плечахъ косая сажень, никогда не хворалъ, купается до заморозковъ и одной рукой десять пудовъ подымаетъ... И жди, когда онъ умретъ...

12) Феопентовъ и Сарматовъ.

Сар. Нашелъ, вотъ онъ... (*Помахиваетъ формуляромъ*). Вотъ, смотри, читай, мамуличка...

Феоп. Да говоритъ тебѣ, не надо: я и безъ формуляра знаю тебя отлично. А лучше къ дѣлу перейдемъ: мнѣ еще въ окружный судъ забѣжать надо... Ну сколько нужно, говори?..

Сар. Десять, мамуличка.

Феоп. Такихъ денегъ не дадутъ. (*Беретъ шляпу*).

Сар. (*Вскрикнувъ*). Да, чуть было не забылъ, вѣдь я пансіонеръ.

Феоп. Что-жъ изъ этого?

Сар. Умру—пенсію получать будетъ...

Феоп. У нея и своихъ денегъ дѣвать некуда... Ну говори же наконецъ...

Сар. А какая твоя цѣна будетъ?

Феоп. Да вѣдь я же сказалъ.

Сар. Ну нѣтъ... Это и разговаривать нечего...

Феоп. Ну двѣ...

Сар. Да пойми ты, мамочка: вѣдь по одному поручательству три тысячи требуется.

Феоп. Ладно, даю три...

Сар. А доктору-то, а въ лавочку?...

Феоп. Три...

Сар. Ни дачку ни наймешь, ни удочекъ не купишь, а когда я жилъ во Владимірѣ на Клязьмѣ...

Феоп. Три...

Сар. Десять...

Феоп. (*Плюнувъ*). Съ тобой, я вижу, каши не сваришь. Пойду другого приспособлю. (*Надѣваетъ шляпу*). Ты думаешь, ты одинъ только?—Нѣтъ, батюшка... Такихъ жениховъ не оберешься. Такого разыщу, что хоть сейчасъ на выставку... (*Направляется къ двери, но Сарматовъ ловитъ его за фалды и стащивъ съ него шляпу, прячетъ за спину*). Отдай шляпу.

Сар. (*Кричитъ*). Десять.

Феоп. Четыре!

Сар. Голубушка, накинь сколько-нибудь... Вѣдь не своими деньгами расплачиваешься... Не скупись: вѣдь мы земляки съ тобой, изъ одного села... Мой отецъ былъ управляющимъ, а твой льячкомъ... Въ горѣлки вмѣстѣ бѣгали, въ козанки играли...

Феоп. А помнишь, какъ у сосѣда яблоки воровали?

Сар. (*Увлеченный воспоминаніями*). Что яблоки... Нѣтъ, какъ по засидкамъ вмѣстѣ бѣгали... (*Оба хохочутъ*).

Феоп. (*Тоже увлекшись*). А Анютку-то помнишь?

Сар. А Устюшку-то?

Феоп. (*Отирая слезы*). Будетъ, будетъ, перестань... (*Заливаясь хохотомъ*). Ой, не могу... ой, колики... Эхъ, счастливое времячко, не воротишь теперь, ну растрогалъ ты меня, до глубины души растрогалъ. (*Обнимаетъ Сарматова.*) Даю пять.

Сар. Шесть.

Феоп. (*Махнувъ рукой.*) Бери.

Сар. По рукамъ значитъ?

Феоп. По рукамъ. (*Бьютъ руками.*)

Сар. А когда деньги?

Феоп. Какъ къ вѣнцу—такъ и деньги...

Сар. (*Робко.*) А задаточку не дашь?

Феоп. Сколько?

Сар. Рубликовъ пятьсотъ...

Феоп. (*Вынимаетъ бумажникъ и отсчитываетъ.*) Изволь, дружище, изволь (*Передаетъ деньги.*) А теперь ѣдемъ...

Сар. Куда?

Феоп. Къ невѣстѣ, предложеніе дѣлать...

Сар. Какъ сейчасъ?

Феоп. Сію минуту...

Сар. Ну ладно, ладно...

Феоп. Иди, иди, надѣвай фракъ...

Сар. Иду, иду мамуличка. (*Торопливо убѣгаетъ въ лѣвую дверь.*)

13) Феопентовъ *потомъ* Горничная.

Феоп. Чортъ знаетъ... расчувствовался... Ну да ничего... Ужъ больно парень-то хорошій... Однако надо предупредить Трухачева. Пусть приготовится къ встрѣчѣ. (*Звонитъ и садится за письменный столъ*). Напишу ему коротенькую записочку. Женихъ, молъ, нашелся. Сейчасъ будемъ. (*Пишетъ.* **Горничная**, *успѣвшая одѣться.*)

Горн. Звонить изволили?

Феоп. Изволилъ. Знаешь ты, гдѣ домъ Трухачева?

Горн. Еще бы не знать такого богатѣя...

Феоп. (*Заклеивая конвертъ.*) Такъ вотъ тебѣ письмо, которое и пошли съ посыльнымъ къ Трухачеву. Да чтобы изъ рукъ въ руки передалъ. (*Отдаетъ*). А этотъ двугривенный въ зубы посыльному. Поняла?

Горн. Поняла-съ.

Феоп. А потомъ сюда приходи, барину шинель подашь.

Горн. Слушаю-съ (*Уходитъ*).

Феоп. Ну, кажется, все сдѣлалъ...

14) Феопентовъ и Сарматовъ.

Сар. (*Во фракѣ.*) Вотъ что забылъ, мамуличка. Расходы твои. (*Смотрится въ зеркало.*)

Феоп. Какіе еще?

Сар. Мало-ли какіе; карета, полиція... Можетъ балъ захотятъ устроить—все это на счетъ Трухачева.

Феоп. Ладно, ладно...

Сар. Мое дѣло только: сѣсть въ карету и повѣн-

чаться Съ полчасика могу и на балѣ побыть для эффекта... А потомъ и домой...

Феоп. Ладно...

Сар. И чтобы жена ко мнѣ не приставала... ни-ни... (*Входитъ* **горничная** *и увидавъ Сар. во фракѣ всплескиваетъ руками*).

Горн. Что это съ вами, баринъ!?

Сар. Жениться хочу...

Горн. (*Изумленно.*) Жениться?

Феоп. (*Горничной.*) Шинель давай, шляпу. (*Горничная подаетъ*)

Сар. (*Въ шинели и въ цилиндрѣ, отъходя Феоп. на авансцену.*) Только помни... Чтобы жена ни-ни... Я весь вѣкъ былъ холостымъ, вольной пташкой, такъ сказать, не желаю и теперь попадать въ клѣтку... Я вольная пташка. (*Идутъ къ двери.* **Горн.** *провожаетъ ихъ изумленнымъ взглядомъ*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Со вкусомъ убранная гостинная въ квартирѣ Людмилы Петровны Въ задней стѣнѣ широкая балконная дверь, растворенная настежъ. Въ дверь виднѣется часть террасы и садика. По бокамъ по двери Правая входная, а лѣвая—въ спальную Людмилы Петровны. На стѣнахъ картины Мебель мягкая. Въ заднемъ углу пѣянино, а въ другомъ каминъ: На каминѣ вазы съ букетами. На лѣвой авансценѣ шикарный диванчикъ. Позади дивайчика высокія растенія. На правой анансценѣ круглый столъ, накрытый бархатной скатертью Вокругъ стола кресла и стулья. На полу коверъ.

Всѣ указанія отъ зрителя.

При поднятіи занавѣса Людмила Петровна въ утреннемъ туалетѣ сидитъ за столомъ и пьетъ кофе. Сзади нея Фрося съ подносомъ. Люд. Пет. имѣетъ утомленный видъ, а Фрося напротивъ: веселый и довольный.

1) Людмила и Фрося.

Фрося. Однако, барышня, вы сегодня долгонько-таки пропочивали: скоро двѣнадцать.

Людм. Еще бы не проспать послѣ вчерашней музыкальной вечеринки. Чуть не на разсвѣтѣ разъѣзжаться начали.

Фрося Ахъ, ужъ и весело только было.

Людм. Да?

Фрося. Страсть какъ весело, барышня... Ужъ очень хорошо этотъ баритонъ пѣлъ... Все забываю его фамилію...

Людм. Понизовскій ..

Фрося. Да, да, Понизовскій... Ужъ такъ-то хорошо, такъ то хорошо...

Людм. Тебѣ понравилось?

Фрося. Еще бы не понравиться... Ужъ очень господинъ-то веселый...

Людм. Сумасшедшій онъ...

рося. А потомъ и ужинъ отличный былъ... Всѣмъ господамъ ужасть какъ понравился, особливо разварная стерлядь. Хошь бы что-нибудь на блюдѣ-то осталось, все подчистили .. Да и въ бутылкахъ словно не было ничего.

Людм. А дядя, кажется, проигралъ вчера?

Фрося. Рубликовъ сотъ пять роздали кой кому...

Людм. Кто выигралъ?

Фрося. А этотъ самый Понизовскій рублей триста... Первая скрипка рублей сто, а остальныя Феопентовъ подобралъ... Ну этому то, пожалуй, и не слѣдовало бы: и безъ того на его долю много

перепадаетъ, а баритону да скрипкѣ это на пользу: народъ небогатый...

Людм. А ты, кажется, охотница до всѣхъ этихъ артистовъ, особенно театральныхъ?

Фрося. Охотница, барышня, охотница: ужъ больно народъ то добрый да веселый, да и привыкла къ нимъ, барышня... Цѣлыхъ три года при васъ горничной была, когда вы еще при театрѣ служили... На репетиціи съ вами ѣздила, на настоящія представленія... Все время за кулисами, только все-таки лучше нашихъ балетныхъ нѣтъ...

Людм. Это почему?

Фрося. Деликатности больше.

Людм. Ты любишь сцену?

Фрося. Господи, да какъ же не любить то ее?.. Ништo можно сравнить, какъ здѣсь, къ примѣру...

Людм. Глупая...

Фрося. Конечно, кто говоритъ, и здѣсь хорошо... Ну а все-таки...

Людм. Что все-таки?

Фрося. (*вздохнувъ.*) На сценѣ лучше... Да вѣдь и вы, барышня, поди, скучаете по сценѣ?.. Какъ можно... особливо вамъ... Васъ, барышня, публика очень любила: и вызывала васъ, и букеты подносила...

Людм. Да вѣдь и теперь подносятъ. (*Показывая на вазы съ букетами.*) Видишь, сколько натаскали...

Фрося. Да ништo это тоже, что тамъ? Здѣсь подарятъ вамъ букетъ, понюхаете вы его, меня позовете, прикажете въ вазу поставить и забыли про него, а вѣдь тамъ то... Господи... Да, нѣтъ, нѣтъ... Тамъ и музыка... Тысячи глазъ любуются вами... хлопаютъ, кричатъ, шумятъ, ногами топаютъ, кричатъ браво... Конечно, мое дѣло сторона... Что же я такое?.. Горничная, за кулисами торчала, да и то... Какъ зачнутъ, бывало, вызы-

вать васъ, такъ инда душа замретъ. Выпорхнете вы, бывало, на сцену, словно бабочка, улыбаетесь, присѣдаете, этакъ къ сердцу ручку прижмете... а изъ оркестра то вамъ вотъ какой букетище... съ лентой, съ кружевами... Да нѣтъ, нѣтъ, лучше и не вспоминать.

Людм. Какая ты глупая, однако...

Горн. Глупая, барышня, глупая... Только, по моему глупому разуму, я бы, кажись, готова умереть на сценѣ... Ахъ да, вѣдь я и забыла доложить вамъ. Вѣдь сейчасъ этотъ самый баритонъ сюда заходилъ... Какъ его? все забываю, какъ его фамилія...

Людм. Понизовскій?..

Фрося. Только вы еще почивать изволили... Ну вотъ онъ обѣщалъ опять зайти: что то нужно ему видѣть васъ.

Людм. Надоѣлъ онъ мнѣ. (*Передавая чашку*). Налей еще, только послаще и покрѣпче... (**Горнич.** *уходитъ.*)

2) *Тѣ же и* **Феопентовъ.**

Феоп. (*стаскивая перчатки.*) Фу, усталъ, какъ собака... Да еще это вечеринка ваша... лишнее съѣлъ, лишнее выпилъ... (*Подойдя къ* **Людм.**) Ну-съ, а теперь вашу—лапочку... (*Цѣлуетъ.*) Какое у васъ Кло-де-Бужо было... Ахъ—какое Кло-де-Бужо восторгъ... У кого брали?

Людм. Почемъ я знаю...

Феоп. И финъ-шампань тоже... Ахъ, какое финъ-шампань... А вѣдь дядюшка-то вашъ, лордъ-то, проигралъ вчера..

Людм. Какое мнѣ дѣло...

Феоп. Конечно, у лорда денегъ много...

Людм. Вотъ напился онъ вчера—это я знаю... (**Феоп.** *хохочетъ.*) Какая охота такъ много пить?..

Феоп. За то мы конфетокъ не ѣдимъ... (*Пере-*

мѣнивъ тонъ.) Но хмѣль съ него скоро соскочилъ, такъ что, когда я привезъ его домой, онъ былъ, какъ стеклышко, и тотчасъ же принялся за свой проэктъ объ уничтоженіи пьянства... А все-таки я люблю этого Трухачева... Помилуйте—мужикъ, кабатчикъ... Давно ли въ поддевкахъ ходилъ, за стойкой стоялъ, въ кулакъ сморкался... и вдругъ преобразился въ лорда, проповѣдующаго объ уничтоженіи винодѣлія и виноторговли. Другой всю жизнь такъ бы мужикомъ и остался, а этотъ—нѣтъ, интеллигентомъ сдѣлался... Что ни говорите, а это типъ своего рода.

Людм. (*не безъ ироніи метнувъ глазами на Феоп..*). А себя вы ни къ какимъ типамъ не причисляете?

Феоп. (*захохотавъ и подбѣжавъ къ ней.*) Лапочку за это, лапочку... Люблю за откровенность (*Цѣлуетъ.*) У-у, прелесть какая, ноготочки то, пальчики то, кожица то... Кстати: домъ покупаетъ вамъ.

Людм. Кто?

Феоп. Лордъ, конечно. Поручилъ мнѣ и купчую совершить.

Людм. Да?

Феоп. Только, пожалуйста, не проговоритесь. Онъ и меня просилъ держать это въ секретѣ до самой вашей свадьбы.

Людм. (*удивленно.*) До какой свадьбы?

Феоп. (*ударивъ себя по лбу.*) Батюшки... А про главное то и забылъ. Вѣдь я съ жинихомъ то поладилъ. (**Людм.** *всплескиваетъ руками.*) Представьте: астма, порокъ сердца, и въ субботу сто лѣтъ... Словомъ, тотъ самый, про котораго вы говорили. Сейчасъ сюда къ вамъ пріѣдетъ...

Людм. (*вскочивъ съ мѣста.*) Кто?

Феоп. Женихъ, конечно.

Людм. Зачѣмъ?

Феоп. Предложеніе дѣлать.

Людм. Сейчасъ?

Феоп. Сію минуту. Онъ у лорда сидитъ. Но они переговорили уже объ условіяхъ, о днѣ свадьбы, и сейчасъ оба сюда. Меня нарочно къ вамъ прислали, что-бы предупредить.

Людм. А вы—ни полъ-слова...

Феоп. Ахъ, Боже мой, забылъ... не велика важность.

Людм. Вѣдь съ этого начать надо было. (*Увидавъ вошедшую горничную съ кофе на подносѣ.*) Одѣваться мнѣ скорѣе, кофе пить не стану. Новое шелковое платье приготовь.

Фрося. Которое къ Пасхѣ сшили. (**Феоп.** *подбѣгаетъ къ горн. и торопливо пьетъ кофе.*)

Людм. Или нѣтъ, нѣтъ... Оно слишкомъ элегантно. Сѣренькое, сарпинковое, только ради Бога поскорѣй... Это удивительное дѣло, человѣка послали предупредить... человѣкъ видитъ, что я въ утреннемъ дезабилье, не причесана, и онъ хоть бы слово. (*Фросѣ.*) Да брось ты этотъ подносъ и иди.

Феоп. (*взявъ подносъ и поставивъ его на розлину.*) Ступай, ступай... (**Горн.** *уходитъ*). Вы только не волнуйтесь: двадцать разъ успѣете, точно вы не знаете своего лорда...

Людм. (*вспыхнувъ.*) Не извольте такъ выражаться. У него есть имя... Его зовутъ Леонидъ Григорьевичъ...

Феоп. Да коли онъ не похожъ на Леонида?..

Людм. Вы сегодня несносны... (*Быстро уходитъ въ лѣвую дверь.*)

Феоп. (*хохочетъ.*) Удивительный народъ эти барыни... Только и думаютъ о нарядахъ, а того и не подозрѣваетъ, что женихъ ничего и не разглядитъ даже. (*Увидавъ вошедшаго съ правой стороны Понизовскаго, вскакиваетъ и радостно протягиваетъ ему обѣ руки.*)

3) Феопентовъ и Понизовскій.

Феоп. Голубушка, Петръ Альфонсычъ... Васъ ли я вижу?

Пониз. (*поставивъ на кресло цилиндръ и протягивая ему руку.*) А, господинъ Феопентовъ...

Феоп. (*отстраняетъ руку*). Нѣтъ-съ, расцѣловать позвольте. расцѣловать... (*Обнимаетъ и цѣлуетъ.*)

Пониз. (*улыбаясь.*) За что, про что?

Феоп. Ахъ, какъ вы вчера пѣли... Особенно изъ «Демона». Этотъ «Воздушный океанъ» такъ у васъ вышелъ... такъ... Нѣтъ, позвольте еще разъ обнять васъ (*Обнимаетъ*). Да, вчера вы были въ особенномъ ударѣ...

Пониз. (*шутливо, показывая на голову.*) За то сегодня—въ угарѣ.

Феоп. (*хохочетъ.*) А я то. Тоже самое.

Пониз. Усугубили немного... не хорошо... Особливо нашему брату (*Перемѣнивъ тонъ.*) А гдѣ Людмила Петровна? Проснулась, наконецъ?

Феоп. Прифранчиваться пошла. А вамъ ее нужно?

Пониз. Проститься хотѣлъ...

Феоп. Какъ, вы уѣзжаете развѣ?

Пониз. Да, сосьете у насъ составилось. Собираемся въ артистическое турнэ: нынче это въ большой модѣ.

Феоп. Куда же думаете направиться, голубчикъ?

Пониз. По Волгѣ, разумѣется (*шутливо.*) Прежде Стенька разъѣжалъ по ней, распѣвая «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ», ну а теперь мы завладѣли ею... Начнемъ съ Ярославля и ежели только не своротимъ на Каму, то хватимъ до Астрахани.

Людм. (*просунувъ изящно причесанную головку въ полу-растворенную лѣвую дверь.*) Услыхала вашъ голосъ и не вытерпѣла, чтобы не перекинуться

съ вами нѣсколькими словами. (*Замѣтивъ, что Пониз. направляется къ двери.*) Нельзя, нельзя, не подходите: я только еще въ одномъ корсетѣ.

Пониз. Дайте же хоть ручку поцѣловать.

Людм. Да понимаете ли вы, что я не одѣта.

Пониз. Ручку то просунуть не велика бѣда.

Людм. (*просунувъ руку.*) Ну-съ, извольте. (**Пониз.** *подскочилъ къ двери, поймалъ руку и принялся цѣловать ее до локтя, а* **Феоп.** *хохоталъ и аплодировалъ.*) Довольно, довольно, перестаньте: это уже слишкомъ. (*Вырываетъ руку*) Отойдите, не то я затворю дверь и не стану разговаривать съ вами.

Пониз. (*отходя къ двери.*) Ну ладно, ладно...

Людм. Вы сейчасъ про сосьете разговаривали. Состоялось?

Пониз. Еще какое—роскошь... Теноръ—Альбановъ, басъ сопрофундо—Никодимовъ.

Людм. А лирическое сопрано?

Пониз. Отгадайте?

Людм. Шоршеръ?

Пониз. Поднимайте выше.

Людм. Лванская?

Пониз. Выше.

Людм. Да кто же, наконецъ?

Пониз. Арбеньева. Вотъ кто.

Людм. Неужели?

Феоп. Знаю, знаю Арбеньеву... Въ Харьковѣ слышалъ.

Пониз. Каковъ голосъ то?..

Феоп. (*подхватывая.*) А глазища? А бюстъ? Вѣдь это роскошь... Въ Харьковѣ всѣ съ ума сходили.

Пониз. Гым... А въ Кіевѣ? А въ Саратовѣ? Да что тамъ Саратовъ... Москва вся. (*Потирая руками.*) Да-съ, теперь держись обывательскій карманъ... Не хуже Стеньки разгромимъ Волгу-матушку.

Людм. Когда вы ѣдете?

Пониз. На дыхъ.

Людм. Счастливый.

Пониз. Завидно, барышня?

Людм. Еще бы...

Феоп. Заговорила артистическая жилка то...

Пониз. (*Людм.*) Поѣдемте—только и всего.

Людм. Вы съ ума сошли.

Пониз. Напротивъ: васъ уму-разуму учу. Вѣдь опера безъ балета не обходится. А у насъ именно балерины то не достаетъ... Махнемте-ка...

Людм. Противный... Да замолчите ли вы... (*Захлопываетъ дверь.* **Пониз.** *хохочетъ и подбѣгаетъ къ двери.*)

Пониз. Постойте запираться то: вѣдь я проститься пришелъ... Но я вижу, вы такъ занялись туалетомъ, что вамъ не до меня. Я зайду въ другой разъ и надѣюсь, что примете меня по-товарищески и дружески пожмете на прощанье руку. Такъ что ли?

Людм. (*за дверью.*) Заходите.

Феоп. (*смѣясь.*) А вѣдь вы не на шутку растревожили барышню. Ужъ я по голосу слышу...

Пониз. Артистическая жилка, батюшка. (*Беретъ цилиндръ и поглаживаетъ его рукавомъ.*) Всѣ мы на одну колодку... Говорятъ, корысть насъ гложетъ... Положимъ, отчасти и это... Но главное то, что гложетъ насъ—хуже всякой корысти, и безъ чего мы все-таки жить не можемъ—это именно та жилка, о которой вы сейчасъ упоминули... Пѣвецъ ли онъ, актеръ-ли, писатель ли... Но ежели онъ въ душѣ артистъ, то онъ не угомонится до гробовой доски. Умирать будетъ, а жилка то эта (*показываетъ на сердце*) будетъ трепетать, какъ выброшенная на берегъ рыбка... и замретъ тогда только, когда замретъ и онъ самъ. (*Перемѣнивъ тонъ.*) Однако, прощайте... Пойду багажъ отправлять. Прощайте. (*Уходитъ въ дверь направо.*)

Феоп. Насилу то убрался... Такъ и думалъ, что помѣшаетъ сватовству. Тоже про жилку толкуетъ. Знаемъ мы эту жилку. (*Подбѣжавъ къ лѣвой двери и постучавъ пальцемъ.*) Скоро, сударыня?

Людм. (*за дверью.*) Сейчасъ, сейчасъ.

Феоп. То-то, какъ-бы не пожаловали. (*Услыхавъ громъ подъѣхавшаго экипажа, подбѣгаетъ къ окну направо. Бѣжитъ къ лѣвой двери и опять стучитъ пальцемъ.*)—Пріѣхали.

Людм. Сейчасъ и я готова.

Феоп. Ну-съ, а я, что бы не мѣшать вамъ, пройдусь по вашему хорошенькому садику. (*Беретъ цилиндръ и уходитъ въ садикъ черезъ балконную дверь.*)

4) Трухачевъ и Сарматовъ.

(*Входятъ въ правую дверь. На Трухачевѣ шеголь-ская визитка, на носу золотое пенснэ, причесанъ по англійски, на рукахъ брилльянты. На Сарматовѣ старенькая фрачная пара.* **Трух.** *пропускаетъ его впередъ и горячо продолжаетъ начатый разговоръ, сопровождая его жестами. У Сарм. въ рукахъ табакерка, откуда онъ нюхаетъ табакъ.*)

Трух. Нѣтъ, почтеннѣйшій, Иванъ Андреевичъ, какъ вы не резюмируйте, а дэ факто проэктъ мой произведетъ громадную сенсацію.

Сар. (*нюхая.*) Только куда же мы съ хлѣбомъ то дѣнемся, красавица моя, коль скоро вы уничтожите и винодѣліе, и виноторговлю?

Трух. Помилуйте, Иванъ Андреевичъ. Господь съ вами. Въ виду этого то я и предлагалъ замѣнить вино полпивомъ и брагой, и медомъ. Постройте на каждомъ шагу пивоваренные и медоваренные заводы—и вотъ вамъ громадный рынокъ для сбыта хлѣбныхъ избытковъ. Не хватитъ даже... За то мы уничтожимъ или, правильнѣе

сказать, положимъ конецъ этому огульному народному пьянству.

Сар. Однако, статистика, доказываетъ, что народъ пьетъ умѣренно.

Трух. (*горячась.*) Статистика... Гмм... вретъ она ваша статистика, вретъ, какъ сивый меринъ, съ позволенія сказать. Ужъ извините за вульгарное выраженіе... Коли на то пошло, Иванъ Андреевичъ, то вѣдь я самъ когда то былъ кабатчикомъ, и дѣло это проштудировалъ во всѣхъ его деталяхъ... Въ данномъ случаѣ наша статистика даже безсильна, ибо ни одинъ порядочный кабатчикъ, не говоря уже о такомъ, который всю душу свою положилъ въ это дѣло, не только чиновнику, но даже и отцу родному, не откроетъ настоящаго баланса своихъ винныхъ операцій... Ужъ въ этомъ то вы, конечно, со мною адгерентны?

Сар. Какъ вы сказали?

Трух. Адгерентны.

Сар. Не понимаю этого слова.

Трух. Ну солидарны что ли...

Сар. Гмм, гмм...

Трух. Но почему я такъ тороплюсь съ своимъ проэктомъ, это потому, что въ скоромъ времени должно быть губернское земское собраніе. Поняли?

Сар. Гмм, да, да, да...

5) Феопентовъ.

Феоп. (*изъ балконной двери.*) За то я васъ совсѣмъ не понимаю.

Сар. (*обрадованный спѣшитъ къ нему съ распростертыми объятіями.*) Мамулинчка...

Феоп. (*отталкивая его.*) Помилуйте—одинъ пріѣхалъ невѣсту показывать, другой дѣлать ей предложеніе, а сами о какихъ то проэктахъ толкуютъ.

792/05
52040

Трух. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же невѣста?

Феоп. (*указывая на лѣвую дверь.*) Наряжается.

Трух. Такъ это мы ее сію минуту приведемъ сюда (*торопливо уходитъ налѣво.*)

6) Феопентовъ, Сарматовъ, (*потомъ*) Трухачевъ и Людмила.

Сар. Ну, мамулечка, и одолѣлъ онъ меня со своимъ проэктомъ. Кстати: какъ ее зовутъ то?

Феоп. Кого?

Сар. Невѣсту.

Феоп. Людмила Петровна. Не забудь, смотри.

Сар. Нѣтъ, нѣтъ... у Пушкина есть поэма «Русланъ и Людмила».

Феоп. (*услыхавъ шаги за дверью.*) Т-сс... идутъ...

Трух. (*представляя Сар. и Людм.*) Позвольте вамъ представить, Иванъ Андреевичъ, моя племянница.

Сар. (*молодцевато подходя и шаркая ногой.*) Иванъ Андреевичъ Сарматовъ-съ, ручку позвольте-съ. (*Цѣлуетъ.*) Прошу любить да жаловать...

Людм. Я васъ знаю немного, въ церкви встрѣчались...

Сар. Такъ точно-съ, мы одного прихода...

Трух. Ну, вотъ отлично, что одного прихода... Познакомьтесь, побесѣдуйте, а мы съ адвокатомъ, въ садикъ пойдемъ. (**Феоп.**, *отводя его въ сторону и понизивъ голосъ.*) Надо, братецъ на счетъ купчей потолковать... Хочется мнѣ, чтобы она была датирована днемъ Людмилиной свадьбы и чтобы Людмила значилась въ ней женой Сарматова.

Феоп. Пойдемъ, поговоримъ...

Трух. (*обращаясь къ Сар., котораго тѣмъ временемъ* **Людм.** *успѣла усадить рядомъ съ собой на диванъ.*) Вы извините меня, почтеннѣйшій Иванъ Андреевичъ, ежели я васъ на минуту оставлю?

Сар. Пожалуйста, безъ церемоніи...

Трух. Я въ одну минуту, (*обнимаетъ Фесп. за талію и оба уходятъ въ садикъ.*).

7) Сарматовъ и Людмила Петровна.

Сар. (*провожая ихъ глазами.*) А у васъ при квартирѣ и садикъ полагается?

Людм. Прехорошенькій... много цвѣтовъ. Бесѣдочка есть, откуда прелестный видъ на Волгу.

Сар. Вотъ какъ-съ.

Людм. Видно, какъ снуютъ пароходы.

Сар. А рыбку удить не изволите?

Людм. Нѣтъ.

Сар. А я такъ страстный охотникъ-съ. Когда служилъ во Владимірѣ на Клязьмѣ...

Людм. Ахъ, вы служили тамъ?

Сар. Я тамъ службу начиналъ, сударыня, а потомъ продолжалъ таковую по разнымъ другимъ городамъ... Я былъ настоящимъ служакой-съ... Такъ вотъ-съ когда я служилъ въ Владимірѣ на Клязьмѣ...

Людм. Вы курить не хотите ли?

Сар. Не пью-съ, и не курю-съ, (*вынувъ табакерку.*) А вотъ ежели этимъ дозволите позаняться...

Людм. Пожалуйста.

Сар. Эту слабость я имѣю-съ, (*нюхаетъ.*) Виноватъ... (*подноситъ ей табакерку.*) А вамъ то не предложилъ...

Людм. А я знала многихъ барышень, которыя нюхаютъ... И представьте, до глубокой старости читали безъ очковъ... Для зрѣнія это очень полезная штука. Слезу гонитъ. Положимъ, платки пачкаются, но (*показывая платокъ*) ежели имѣть такіе цвѣтные, то почти и незамѣтно... Итакъ, мамуличка, (*спохватясь и быстро вскакивая.*) Виноватъ, простите, ради Бога, такая глупая привычка...

Людм. Ничего, ничего...

Сар. Ради Бога не сердитесь, Людмила (*запнувшись.*) Руслановна...

Людм. (*весело смѣется.*) Не Руслановна, а Петровна...

Сар. (*все больше конфузясь.*) Тьфу.. Это все пушкинская поэма виновата... Ради Бога извините. Петровна, Петровна...

Людм. (*продолжая добродушно смѣяться.*) Ничего, ничего... Это и со мной бываетъ. Я тоже съ трудомъ запоминаю имена.

Сар. (*успокоившись.*) Такъ вотъ-съ... Когда я служилъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, не повѣрите: я каждый день вотъ такихъ окуней выхватывалъ (*показываетъ размѣръ.*) Нда-съ... (*перемѣнивъ тонъ.*) Какое на васъ миленькое платьице. Скажите: матерія эта какъ называется?

Людм. Сарпинка.

Сар. Дорога-съ?

Людм. Копеекъ пятнадцать.

Сар. Только-съ?..

Людм. Не больше.

Сар. Я почему васъ спрашиваю: горничная, которая прислуживаетъ мнѣ въ номерахъ, выходитъ замужъ. Дѣвушка она очень бѣдная, ни отца, ни матери не имѣетъ, и вотъ мнѣ хотѣлось бы сдѣлать ей подарочекъ...

Людм. Такъ вы подарите ей что-нибудь болѣе полезное.

Сар. Что-же?

Людм. Полотна, напримѣръ...

Сар. Да, да, она говорила, кажется, что у нея рубашенокъ нѣтъ. А что стоитъ полотно?

Людм. Смотря по тому, какое полотно... Она изъ какихъ? Изъ франтихъ?

Сар. (*махнувъ рукой.*) Изъ простыхъ... мѣщанка вѣроятно.

Людм. Ахъ, Боже мой, да вѣдь и мѣщанки бываютъ разныя. Я тоже мѣщанка. Дѣло не въ томъ, а въ характерѣ, въ наклонностяхъ. Есть дѣвушки избалованныя, испорченныя, и наоборотъ: скромныя, разсудительныя. Скромная дѣвушка будетъ въ восторгѣ отъ ярославскаго бѣлья, а я вышвырну его въ окно и потребую батиста... Дѣвушка неизбалованная вполнѣ удовлетворится простенькой бѣличьей шубкой, а мнѣ необходимы соболи. Такъ и во всемъ остальномъ. Вы думаете, надѣла бы я это платье ради его дешевизны? Ни за что. Я ношу его только потому, что сарпинка въ модѣ. Пройдетъ завтра мода — и завтра же этого платья не будетъ... Вотъ вѣдь я какая... а мѣщанка... А почему я сдѣлалась такою? Потому, что я избалована. Я даже цѣны ничему не знаю... я не знаю потому, что никогда не жила трудовыми деньгами, только эти однѣ святыя деньги могутъ научить человѣка, чѣмъ онъ долженъ быть. Я никогда ничего сама себѣ не покупала и жила подарками. Все, что вы видите на мнѣ, начиная съ этого скромнаго платья и кончая этими изумрудами и бриллiантами (*показываетъ ему руки*)— все мнѣ подарено. Единственная вещь, которую я купила себѣ сама и то случайно, это ботинки, которыя сейчасъ на мнѣ, (*показываетъ щегольски обутую ножку.*)

Сар. (*ощупывая ногу.*) Варшавскiя-съ?

Людм. Какiя онѣ—я не знаю, но знаю, что взяли съ меня за нихъ пятнадцать рублей.

Сар. (*удивленно.*) Серебромъ?

Людм. Конечно.

Сар. Скажите, какая дороговизна. Впрочемъ, теперь обувь сильно вздорожала. Хоть босикомъ ходи. Я по своимъ сапогамъ знаю. (*Поднимаетъ ногу.*) Вотъ хоть эти сапоги, къ примѣру: положимъ, они изъ настоящаго петербургскаго опойка,

внутри голенищъ вы можете увидать даже клеймо... Но точно такіе сапоги и у того же самого Королева, у котораго я постоянно покупаю обувь, въ прежніе годы три рубля стоили, а теперь — не угодно ли, семь... Какъ это вамъ покажется? Допустимъ, сапогъ въ носкѣ проченъ. Вотъ эти, напр., я другой годъ треплю, и, какъ видите, ни одной заплаты... Только вотъ тутъ на подошвѣ (*сгибаетъ ногу и показываетъ подошву*) слегка протираться начинаетъ, но вѣдь и семь рублей, мамуличка (*спохватившись.*) Боже мой, опять... (**Людм.** *весело смѣется.*) Извините, Руслана Людмиловна...

Людм. (*весело.*) Да ничего, ничего... А лучше всего: такъ и называйте меня мамуличкой.

Сар. (*весело.*) Позволяете?

Людм. Прошу васъ даже..

Сар. (*поймавъ ея руку.*) Спасибо, спасибо, родимушка... Такъ я счастливъ... (*Въ этотъ самый моментъ въ дверяхъ показываются* **Трухачевъ и Феопентовъ.**)

8) Трухачевъ и Феопентовъ.

Трух. (*апплодируетъ.*) Браво, браво. Ай да, Иванъ Андреевичъ...

Феоп. Ужъ они цѣлуются. Молодчина... Такъ и слѣдуетъ...

Трух. (*продолжая хохотать.*) Покончили декларацiи?

Сар. (*удивленно.*) Какія, касаточка?

Трух. Какъ какія? Да вѣдь вы руки ея просить пріѣхали?..

Сар. (*спохватившись.*) Батюшки... изъ ума вонъ...

Людм. (*порывисто вставъ съ дивана.*) Позвольте, господа... Прежде всего прошу васъ быть вѣжливыми и перестать хохотать...

Трух. и Феоп. (*раскланиваясь.*) Слушаемъ-съ.

Людм. Вамъ кажется смѣшнымъ, что Иванъ

Андреевичъ не сдѣлалъ мнѣ предложенія, а я нахожу это въ высшей степени деликатнымъ съ его стороны. Всѣ мы очень хорошо знаемъ, въ чемъ, именно, заключается дѣло...

Сар. (*пріободрившись.*) Конечно...

Людм. (*продолжаетъ.*) Почему, именно, это дѣло началось и какъ оно покончится.

Сар. И вотъ, именно, поэтому...

Людм. (*перебиваетъ.*) Къ чему же тутъ объясненія? которыя ставятъ только въ неловкое положеніе и ту, и другую сторону?..

Феоп. Отлично, превосходно... Чисто по адвокатски: и коротко и ясно...

Людм. (*весело.*) Ужъ не взыщите: какъ сумѣла, такъ и сказала...

Трух. Отлично, отлично... А теперь поѣдемте-ка въ Эрмитажъ: тамъ новый поваръ... говорятъ, профессоръ кулинарнаго искусства. Тамъ же, говорятъ, и устрицы получены. Пофриштикаемъ, выпьемъ за здоровье нарѣченныхъ и кстати назначимъ день свадьбы.

Сар. Отлично, превосходно... (*посмотрѣвъ на часы.*) Самое время: ровно двѣнадцать.

Трух. (*Людм.*) Ну собирайся, собирайся же...

Людм. Нѣтъ ужъ меня извините, господа... Я отказываюсь...

Сар. (*подбѣжавъ къ ней.*) Это почему, мамуличка?

Людм. А потому, дорогой мой, что послѣ вчерашней вечеринки я очень, очень устала.

Всѣ. Ну будетъ вамъ, поѣдемте.

Трух. Понимаешь ли, поваръ новый.

Феоп. Стерлядку закажемъ.

Трух. Устрицъ поѣдимъ.

Людм. Не могу, не могу.

Сар. Безъ васъ совсѣмъ не то.

Людм. Рѣшительно не могу: я въ постель сейчасъ.

Трух. Жаль, очень жаль... (*Остальнымъ.*) Ноленсъ воленсъ—приходится ѣхать однимъ. Нельзя же не позондировать этого адепта кулинарнаго искусства. (*Прощается съ Людмилой.*)

Феоп. (*Трухачеву, взявъ цилиндръ.*) А знаешь ли, милый человѣкъ: ты своими иностранными словами весь русскій языкъ перековеркаешь...

Трух. (*пожимая плечами.*) Ахъ, Боже мой, да ежели мода такая, не стану же я говорить «случай», коль скоро есть модное слово «инцидентъ»... Смѣшное дѣло. (**Всѣ** *распростившись съ Людм., уходятъ въ правую дверь.*)

Людм. (*одна.*) Воображаю, какимъ воротится этотъ преслѣдователь пьянства... Однако, я въ самомъ дѣлѣ, не на шутку, устала. (*Идетъ къ лѣвой двери, какъ вдругъ входная дверь распахивается и на порогѣ показывается веселый и торжествующій* **Понизовскій.**)

9) Людмила и Понизовскій.

Пониз. (*съ порога.*) Поздравить?

Людм. (*остановясь на полдорогѣ.*) Съ чѣмъ?

Пониз. Замужъ выходите?

Людм. Вы почемъ знаете?

Пониз. Сейчасъ самъ лордъ объявилъ.

Людм. Да, выхожу.

Пониз. За этого самого барина?

Людм. За этого самого.

Пониз. (*подходя къ ней и протянувая руку.*) Поздравляю.

Людм. Вы довольны?

Пониз. Еще бы... Вѣдь вы теперь счастливѣйшая женщина въ мірѣ.

Людм. А вы, надѣюсь, будете моимъ шаферомъ?

Пониз. Да вѣдь я же на дняхъ исчезаю.

Людм. На дняхъ и свадьба.

Пониз. Ежели не задержите, съ восторгомъ...

Людм. Ну вотъ, и отлично. (*Протянувъ ему руку.*) Спасибо.

Пониз. А потомъ? Послѣ свадьбы, что думаете дѣлать?

Людм. Потомъ?..

Пониз. Съ нами?..

Людм. Куда?

Пониз. Въ артистическое турнэ... Вы подумайте только, что насъ ждетъ то... (*Съ увлеченіемъ.*) Деньги, слава, лавры, оваціи, встрѣчи... А Волга то? Вѣдь мы все лѣто проведемъ на ней... Роскошный пароходъ, роскошный столъ... Уютная каюта, въ которой такъ покойно и мягко... Веселая дружеская компанія, музыка, пѣніе... А кругомъ то, кругомъ то... живописные берега, горы, лѣса, монастыри... А лунныя ночи. «Ночи безумныя, ночи безсонныя, безъ сна проведенныя...» А чистый, свѣжій воздухъ, а опьяняющая трель соловья...

Людм. Вы не сошли съ ума?.. Нѣтъ?..

Пониз. Да, да, сошелъ, вы правы... Но кто же виноватъ, какъ не вы сами?.. Да, да, вы и никто больше... Вы свели меня съ ума. Понимаете ли, вѣдь я люблю васъ, клянусь вамъ...

Людм. (*насмѣшливо.*) Ужъ «не первымъ ли днемъ творенья?» Ужъ не хотите ли сдѣлать меня царицей міра? Перестаньте: я не Тамара, а вы не демонъ... Вѣдь вы женаты, дѣти у васъ... Ступайте-ка лучше къ женѣ, она бѣдненькая, вѣроятно, ждетъ не дождется васъ... Скучаетъ, томится... (*Сдѣлавъ глубокій реверансъ.*) До свиданья, г. Понизовскій. (*Убѣгаетъ налѣво, какъ, обыкновенно, убѣгаютъ танцовщицы со сцены и быстро запираетъ дверь на ключъ.*)

Пониз. (*когда она щелкнула дверным замкомъ.*) Противная...

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Хорошенькій садикъ при квартирѣ Людмилы Петровны. Налѣво часть дома съ балкономъ, драпированнымъ парусиной. На лѣвой авансценѣ чугунная садовая мебель съ такимъ же столомъ. Посреди сцены большой круглый столъ, накрытый бѣлой скатертью. На столѣ все необходимое для чаю и подносъ съ нѣсколькими пустыми бокалами. Вокругъ стола стулья и скамеечка подъ ноги. Правая и лѣвая кулисы изображаютъ цвѣтущій кустарникъ, а задняя занавѣсъ — видъ на Волгу, на которой кое-гдѣ виднѣются баржи и бѣляны. Садикъ отдѣляется отъ Волги заборомъ. Въ правомъ углу садика гротъ, на верху котораго вмѣсто крыши устроена терраска съ рѣшеткой, ходъ на которую изъ грота. На терраскѣ столъ и два стула. Гротъ каменный, заросшій дикимъ виноградомъ. — Всѣ указанія отъ зрителя.

---

*) Рисунокъ И. А. Салова. *Ред.*

При поднятіи занавѣса **Фрося** *разставляетъ на чайномъ столѣ посуду. Одѣта она пикантно, въ бѣломъ фартучкѣ.*

1) Фрося (*одна*).

Фрося. Ну, барышня моя вѣнчаться поѣхала... Охъ, ужъ и рада только, сердешная, да по правдѣ сказать, какъ и не радоваться то... Изъ простого сословія и вдругъ въ барыни махнула.— «Ну,» говоритъ, «Фрося, теперь мы съ тобой поправимся», и потѣшная только... «И тебя» говоритъ, «замужъ выдамъ, не за барина, конечно, а ужъ подыщу жениха, останешься довольна.» А потомъ увидала на деревѣ птичку и говоритъ: «Вотъ и я такой же вольной пташкой буду—на одной вѣткѣ посижу, на другой, потомъ пырхъ—только меня и видали.» Ужъ такая то потѣшная, такая то потѣшная, да веселая... (*Перемѣнивъ тонъ и осмотрѣвъ накрытый столъ.*) Теперь, кажется, все готово. (**Трух.** *и докторъ показываются на балконѣ.* **Оба** *во фракахъ и бѣлыхъ гастухахъ.*)

2) Фрося, Трухачевъ и докторъ.

Трух. (*Спускаясь съ балкона*) Я порѣшилъ на англійскій манеръ свадьбу отпраздновать.

Докт. Самое лучшее.

Трух. Людмила даже вѣнчальнаго костюма не шила, а въ чемъ была, въ томъ и поѣхала.

Докт. И прекрасно.

Трух. Пріѣдутъ молодые, попьемъ чайку, пофриштикаемъ... Фриштикъ тоже на англійскій манеръ: будетъ ростбифъ и плумъ-пуддингъ... А потомъ и по домамъ...

Докт. И никого гостей?..

Трух. Никого. Будетъ только генеральша Карабанова въ качествѣ посаженной матери, мужъ ея, Карабановъ, въ качествѣ отца.

Докт. Ахъ это глухой такой? Нашъ милліонеръ?

Трух. Да, нашъ Ротшильдъ.

Докт. Но вѣдь онъ едва ходитъ.

Трух. Да съ нимъ ревматизмъ, но при благодѣтельномъ содѣйствіи палки онъ все-таки бродитъ кое-какъ.

Докт. И больше никого не будетъ?

Трух. Понизовскій и Феопентовъ въ качествѣ шаферовъ. Приглашать гостей на свадьбу я считаю неконвенабельнымъ и толерантности не допускаю. Простота и скромность — вотъ мой девизъ.

Докт. Однако, вы все-таки фракъ надѣли.

Трух. Ну, у англичанъ такой порядокъ. Тамъ даже въ будни въ обѣду мужики являются во фракахъ, а дамы въ декольтэ.

Докт. Это очень хорошо, что Понизовскій будетъ. Можетъ быть, послѣ фриштика онъ намъ споетъ что-нибудь.

Трух. Разумѣется. (*Обратясь къ Фросѣ.*) Ну, у тебя все готово?

Фрося. Кажись, все, ваше степенство.

Трух. Сколько разъ говорилъ не называть меня степенствомъ... Вовсе я не степенство.

Фрося. Какъ же прикажете?

Трух. Ахъ, Боже мой. Ну, зови бариномъ, сударемъ... только не степенствомъ. (*Показывая ей на площадку крыла.*) Ну-ка, сбѣгай-ка на ~~терраску~~, посмотри не ѣдутъ ли молодые?.. (**Фрося** *убѣгаетъ на тераску.*)

Трух. Давайте-ка пока посидимъ.

Докт. Посидимъ, посидимъ. (*Садятся на лѣвой авансценѣ.*)

Трух. (*Усѣвшись.*) Я такъ доволенъ, что, наконецъ, аранжировалъ судьбу Людмилы. Теперь она совершенно обезпечена какъ съ нравственной, такъ и съ матеріальной стороны.

Докт. Я даже радъ и за Сарматова.

Трух. Еще-бы...

Докт. Въ послѣднее время дѣла его были очень запутаны.

Трух. Говорятъ.

Докт. А теперь онъ расплатился съ долгами, переѣхалъ на дачу, накупилъ себѣ удочекъ—и по цѣлымъ днямъ надъ рѣкой торчитъ. Вчера при мнѣ рыбку какую то поймалъ, такъ до того былъ счастливъ, что даже приплясывать началъ.

Трух. Да, батюшка, деньги придаютъ веселость.

Докт. Придаютъ, придаютъ...

Трух. (*Горн., которая все еще на террасѣ.*) Ну что, не видать еще?

Фрося. Не видать, сударь.

Трух. Ну ладно, слѣзай. (**Фрося** *сходитъ.*) А теперь бѣги въ домъ и принеси мнѣ блюдо съ хлѣбомъ-солью... Оно тамъ въ залѣ стоитъ.

Фрося. Слушаю-съ. (*Убѣгаетъ въ домъ черезъ балконъ.*)

Трух. Однако я съ этой свадьбой совсѣмъ про свой проэктъ забылъ.

Докт. Неужели?

Трух. Все некогда... То одно, то другое... то да се—глядишь и вечеръ на дворѣ. Всѣхъ лошадей замоталъ. (*Увидавъ на балконѣ Фросю съ хлѣбомъ-солью.*) Ставь, ставь сюда. (*Хлопаетъ по столу, возлѣ котораго сидитъ.* **Фрося** *поставила. Докторъ осматриваетъ поставленное.*) А теперь за шампанскимъ бѣги.

Фрося. Шампанское въ вазѣ прикажете?

Трух. Конечно.

Докт. (*Постукивая по блюду.*) А блюдо то, кажется, очень цѣнное?

Трух. (*Вынимая изъ кармана купчую.*) Нѣтъ-съ, вотъ эта бумажка поцѣннѣе будетъ.

Докт. А это что такое?

Трух. Купчая крѣпость на этотъ домъ.

Докт. Купили?

Трух. (*Самодовольно улыбаясь.*) На имя Людмилы Петровны Сарматовой. (*Показывая бумагу.*) Нынѣшнимъ числомъ и датирована... Мнѣ хотѣлось, чтобы она, сдѣлавшись барыней, вошла не въ чужой домъ, а въ свой собственный. Пусть будетъ, въ полномъ смыслѣ слова, настоящей барыней.

Докт. Это очень любезно съ вашей стороны. (**Трух.** *подсовываетъ купчую подъ хлѣбъ.*)

3) Феопентовъ.

Феоп. (*Громко съ балкона*) Поздравляю. (**Онъ** *во фракѣ, въ петлицѣ букетикъ.*)

Трух. (*Подойдя къ нему радостно.*) Повѣнчались?

Феоп. Готовы. Сейчасъ пріѣдутъ... Поздравляю. (*Обнимаетъ и цѣлуетъ Трух., а кстати и Докт.*)

Трух. А гдѣ же другой шаферъ?

Феоп. А другой шаферъ поздравляетъ тебя, желаетъ успѣха твоему проэкту и извиняется, что не можетъ быть.

Трух. (*Удивленно.*) Какъ такъ?

Феоп. Онъ изъ церкви прямо на параходъ... Нанялъ извозчика и маршъ... Во вторникъ гдѣ то «Демона» поетъ, такъ и боится къ Тамарѣ опоздать.

Трух. и **Докт.** Это жаль.

Феоп. А мнѣ такъ нисколько. (*Отводя Трух. въ сторону.*) Демонъ онъ, такъ Демонъ и есть. (*На ухо.*) Вчера весь вечеръ на бульварѣ съ твоей Людмилой просидѣли и все шушукались. Ты со своимъ проэктомъ возился, а онъ, должно быть, своей сочинялъ. Я даже думалъ, что свадьба разстроится.

Трух. (*Хохочетъ.*) Ты вѣчно съ подозрѣніями.

Феоп. (*Увидавъ Трух.*) Ба, Богданъ Богданычъ, батюшка. А васъ то я и не замѣтилъ.

Докт. А мы расцѣловались даже.

Феоп. Ей-ей? Впрочемъ, у васъ ужъ такая физіономія замѣчательная...

Докт. Да, мнѣ многіе говорили тоже самое.

Феоп. Есть, есть такіе... И говорилъ съ человѣкомъ, а съ кѣмъ и не замѣчаешь. (*Увидавъ на балконѣ* **Фросю**, *подбѣгаетъ къ ней.*) Шампанское?

Фрося. Такъ точно-съ.

Феоп. Откупорено?

Фрося. Только бечевки перерѣзать осталось.

Феоп. А бокалы?

Фрося. (*Показываетъ на столъ.*) На столѣ.

Феоп. (*Выхвативъ вазу.*) Отлично. (*Ставитъ вазу на столъ.*)

Трух. (**Фросѣ.**) Теперь самоваръ неси... скоро пріѣдутъ. (**Фрося** *убѣгаетъ.*)

Феоп. А гдѣ же Карабановы?

Феоп. (*Увидавъ на балконѣ* **Карабановыхъ.**) А вотъ и они.

4) Карабановы.

Трух. (*Бросившись встрѣчать ихъ, помогаетъ милліонеру сойти со ступеней.* **Караб.** *во фракѣ съ медалью на шеѣ, съ костылемъ въ рукахъ, на головѣ бархатная шапочка.* **Онъ** *старъ и глухъ, но все-таки храбрится и старается казаться молодымъ: молодецки покручиваетъ усы и потряхиваетъ плечами.* **Карабанова** *очень бойкая и разбитная дама. Полная, румяная и съ вульгарными манерами.*)

Кара—ва. Поздравляю, голубчикъ, поздравляю. Дай Богъ совѣтъ да любовь.

Трух. (*Почтительно цѣлуя ея руку.*) Благодарю, Наталія Николаевна, за поздравленіе, а пуще всего за то, что вы осчастливили мою сироту, согласившись быть ея посаженной матерью.

Караб—ва. Не за что, голубчикъ. Я охотница до всѣхъ этихъ церемоній. Признаться, даже сваxой быть и то не отказываюсь.

Трух. (*Оборотясь къ* **Кар—ву**). И васъ тоже благодарю, достопочтеннѣйшій Ѳедоръ Ѳедоровичъ, сердечно благодарю и не нахожу словъ...

Караб—ва. (*Махнувъ рукой.*) И не находи, голубчикъ, все равно ничего не услышитъ — какъ въ стѣну горохъ. (*Обратясь къ мужу*) Слышишь?

Караб—въ. (*Кивая головой и стараясь казаться бодрымъ и молодцеватымъ.*) Слышу, слышу...

Караб—ва. (*Кричитъ.*) Ну что онъ сказалъ?

Караб—въ. Чай пить зоветъ.

Кар—ва. Попалъ, нечего сказать. (*Трухачеву.*) Ужъ ты не тревожь его разговорами... И онъ тебѣ надоѣстъ и ты ему. Посади его куда-нибудь къ сторонкѣ, онъ и будетъ сидѣть себѣ.

Трух. (*Кар—вой.*) Мнѣ бы только хотѣлось, Наталія Николаевна, встрѣтить молодыхъ конвенабельно.

Кар—ва. А ты со мной, батюшка, по-нѣмецки то не говори. Я этой чухляндіи не понимаю. Русскимъ языкомъ говори.

Трух. Хотѣлъ бы я встрѣтить молодыхъ честь-честью.

Кар—ва. Вотъ это по нашему.

Трух. Съ хлѣбомъ-солью.

Кар—ва. Такъ это, значитъ, и мужу надо?

Трух. Да-съ, и они.

Кар—ва. (*Подмигивая и подбоченясь.*) Хорошо бы еще хмѣлькомъ попорошить.

Трух. И хмѣль приготовленъ.

Кар—ва. Чудесно, чтобы, значитъ, и въ довольствѣ жили, и весело... Такъ, такъ... Я вѣдь сама изъ купеческихъ, эти порядки знаю до тонкости. Помню, когда я замужъ выходила... Не за этого, конечно... На такого никакой хмѣль не подѣйствуетъ... А за перваго мужа... такъ насъ съ головы до ногъ хмѣлемъ то осыпали... И ужъ весело только жили съ покойникомъ... (*Перемѣнивъ тонъ.*) Ну, а гдѣ же встрѣчать то будемъ? не ~~въ саду же?~~..

Трух. Какъ можно, въ домѣ-съ...

Кар—ва. То-то...

Трух. Въ домъ пожалуйте-съ.

Кар—ва. Пойдемъ, пойдемъ... (*Машетъ рукой Кар—ву*) Иди. (**Трух.** *подхватываетъ Кар—ва, и всѣ направляются къ балкону. Въ это самое время слышенъ стукъ экипажа и на балконъ вбываетъ* **Фрося**.).

Фрося. Ѣдутъ, ѣдутъ... Пожалуйте...

Трух. (*Фросѣ.*) Тащи скорѣй хлѣбъ-соль. (**Фрося** *поспѣшно беретъ блюдо и всѣ, кромѣ Феоп. и докт., уходятъ въ домъ.*)

5) Феопентовъ и докторъ.

Феоп. Вы что же встрѣчать-то не пошли, Богданъ Богданычъ? (*Беретъ бутылку шампанскаго*). Впрочемъ, все равно, не замѣтили бы. (*Передавая ему бутылку и ножикъ.*) Откупорите-ка, а я бокалы буду держать. (**Докт.** *обрываетъ на бутылкѣ бичевки, а* **Феоп.** *бѣжитъ за подносомъ, уставленнымъ бокалами.*) И не люблю я только эти свадьбы на англійскій манеръ. Откупоривай да раскупоривай, разливай да разноси, — а выпить нечего. Ну что, откупорили?

Докт. Готово.

Феоп. (*Поднося подносъ.*) А теперь разливайте. (*Въ это самое время изъ домика доносится громкое ура, аплодисменты и топаніе. Громче всѣхъ раздается голосъ Караб.*)

Докт. Ну, встрѣтили.

Феоп. А Карабановъ какъ оретъ—слышите?

Докт. (*Смѣется.*) Громче всѣхъ. (*Разливаетъ.*)

6) Людм. Петр., Сарм., Трух. и Карабановы. (*Людм. Петр. идетъ подъ руку съ Сарм., держа въ свободной рукѣ купчую крѣпость. Ихъ посыпаютъ обильно хмѣлемъ, что повидимому доставляетъ*

всѣмъ большое удовольствіе. На Людмилѣ изящное лѣтнее платье, отдѣланное кружевами. На Сарматовѣ фрачная пара. Когда они при крикахъ „ура“ вышли на площадку, къ нимъ подлетаетъ съ подносомъ **Феоп**. *Сперва онъ подходитъ къ молодымъ, а потомъ къ остальнымъ.)*

Трух. (*Высоко поднявъ бокалъ.*) За здоровье молодыхъ... Ура...

Всѣ. (*Поднявъ бокалы.*) Ура...

Кар—въ. Горько. (*Раздался общій хохотъ.*)

Всѣ. Горько, горько...

Кар—въ. Подсластить.

Всѣ. Подсластить, подсластить...

Людм. (*Весело.*) Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ. (*Обнимаетъ и цѣлуетъ Сарматова.*)

Сар. (*Восторженно*) Мамуличка, голубушка... (*Когда поцѣлуи кончились, окидываетъ всѣхъ торжествующимъ взглядомъ и высоко подымаетъ бокалъ.*) А теперь, господа, выпьемъ за здоровье достопочтеннѣйшаго, достоуважаемаго, досто... досто... (*Подбѣгаетъ къ Трух. и шепчетъ.*) Забылъ, какъ тебя зовутъ, мамуличка.

Трух. Леонидъ Григорьичъ...

Сар. (*громко и торжественно*). За здоровье достопочтеннѣйшаго, достоуважаемаго Леонида Григорьевича. Урра...

Всѣ. Ура, ура, ура...

Феоп. (*замѣтивъ, что Люд. Пет. подошла къ Трух. и собирается что-то говорить, начинаетъ махать платкомъ.*). Постойте, постойте, господа... (**Всѣ** *умолкаютъ, кромѣ* **Кор—ва**, *но къ нему подбѣгаетъ* **Кар—ва**, *зажимаетъ ему рукой ротъ и грозитъ пальцемъ*).

Людм. За ваше здоровье, милый дядя. Вы такъ много сдѣлали для меня добраго что я даже не знаю, какъ благодарить васъ...

Трух. Не стоитъ, мой другъ, не стоитъ...

Людм. Но вашъ послѣдній подарокъ (*показываетъ купчую*) до глубины души тронулъ меня...

Трух. Очень радъ.

Людм. Вы словно угадали, что онъ будетъ для меня дороже золота и брилліантовъ... Мнѣ такъ всегда нравился этотъ домикъ, а пуще всего этотъ маленькій изящный садикъ, въ которомъ мы съ вами провели столько прекрасныхъ вечеровъ—что лучше этого подарка нельзя было ничего придумать.

Трух. Очень радъ, что угодилъ.

Людм. Спасибо вамъ, спасибо... (*поднявъ бокалъ.*) Пью за ваше здоровье, дядя. Ура...

Всѣ. Ура, ура, ура...

Кар—въ. Качать его.

Всѣ. Качать... (*Всѣ подбѣгаютъ къ Трух., ловятъ его и начинаютъ качать и кричать ура).*

Людм. (*подойдя къ* **Кар—вой** *и отведя ее въ сторону).* Я просто насилу стою, Наталія Николаевна.

Кар—ва. Что такое?

Людм. Новыя ботинки до того мнѣ жмутъ ноги, что я готова расплакаться. Посовѣтуйте что мнѣ дѣлать?

Кар—ва (*расхохотавшись.*) Надѣть другія—только и всего.

Людм. Да вѣдь совѣстно васъ однихъ оставить... Мужчины извинятъ...

Кар—ва. А я и подавно... Я, мать моя, лучше всякаго мужчины понимаю, что значитъ тѣсная обувь. У меня на всѣхъ пальцахъ мозоли. (*Показываетъ ногу).* (*Обращаясь къ остальнымъ*). Слышите, господа, горе то у насъ какое...

Всѣ (*подбѣжавъ къ Кар—вой*). Что такое? Что случилось?

Кар—ва (*показывая на Людмилу.*) Новыя ботин-

ки ей ногу жмутъ, такъ вотъ она конфузится другія надѣть... (*Всѣ смѣются.*) Ступай, ступай, не конфузься, матушка...

Людм. Такъ вы извините меня, господа?

Всѣ. Конечно, конечно...

Людм. Я сію минуту, сію минуту... (*Увидавъ Фросю съ самоваромъ.*) А вотъ кстати и самоваръ подаютъ. (*Кар—вой*). Прошу васъ, Наталія Николаевна, будьте на время хозяйкой, (*подбѣжавъ къ столу и указывая.*) Вотъ сахаръ, чай, лимоны, чашки здѣсь, ложечки тоже. Вотъ чайное печенье, полотенце, (*обращаясь ко всѣмъ и жестомъ приглашая къ столу.*) Милости прошу, господа, пожалуйте... (*Всѣ усаживаются кромѣ Сарм.*). Я сію минуту, сію минуту. (*Фрось, уступивъ поставить самоваръ на столъ*). Идемъ, идемъ, Фрося. (*Фрося уходитъ*).

Трух. (*Людмилѣ*). Да кстати: прикажи, мой другъ, повару принести сюда ростбифъ и плумъ-пуддингъ. Не забудь, пожалуйста (*ловитъ ея руку и цѣлуетъ*).

Людм. Нѣтъ, нѣтъ, не забуду. Ну-съ, до свиданья, господа (*присѣдаетъ по балетному, по балетному же дѣлаетъ ручкой и бѣжитъ по направленію къ балкону*).

Сар. (*бросившись за ней.*) Догоню, догоню.

Людм (*весело*). Не догонишь, папашка... (*Дѣлаетъ прыжокъ на балконъ и, какъ бабочка, порхнувъ въ дверь, запираетъ ее на ключъ*). Что догналъ? (*Дѣлаетъ ему сквозь стекло ручкой и исчезаетъ. Сарм. силится отворить дверь. Всѣ смотрятъ на эту картину, апплодируютъ и смѣются*).

Сар. (*въ дверь.*) Шалунья.

Всѣ. Что заперлась?

Сар. (~~сходя съ балкона~~). Заперлась, проказница.

7) Тѣ же безъ Людмилы.

Кар—ва (*Разливая чай Сарматову*). Ну, будетъ

вамъ миндальничать, присаживайтесь, я васъ чайкомъ попою... Садитесь, садитесь...

Сар. Я не пью горячаго чаю, Наталія Николаевна. Вы мнѣ налейте стаканчикъ и пусть его поостынетъ. (*Трух., который уже пьетъ чай.*) Никакъ я не воображалъ, мамуличка, чтобы изъ твоего садика былъ такой прелестный видъ на Волгу... Вся какъ на ладони.

Трух. Не изъ моего садика, а изъ садика вашей супруги.

Сар. Ахъ, да виноватъ...

Трух. (*показывая на террасу*). Нѣтъ, вы вонъ съ той терраски полюбуйтесь, вотъ оттуда дѣйствительно вся Волга, какъ на ладони.

Сар. Такъ это я пойду...

Трух. Тамъ вы и бинокль найдете... Онъ въ столѣ, въ ящикѣ. (*обращаясь ко всѣмъ.*) Мы съ Людмилой почти каждый вечеръ и каждое утро любовались оттуда Волгой... Прелестный видъ, прелестный...

Сар. Пойду, посмотрю, а пока и чай поостынетъ (*уходитъ въ гротъ, а немного погодя появляется на террасѣ и найдя бинокль любуется Волгой*).

Феоп. (*Кар—вой, помѣшивая въ стаканѣ ложечкой.*) А читали вы, Наталія Николаевна, сегодняшній фельетонъ въ газетѣ?

Кар—ва. Какой такой еще?

Феоп. О правоспособности женщины.

Кар—ва (*презрительно махнувъ рукой*). Нонче про нашу сестру такъ много пишутъ и въ газетахъ и въ книгахъ, что даже читать надоѣло. Одинъ писака такъ говоритъ, другой по иному. А вотъ попробывали бы они, эти писаки то, съ такимъ муженькомъ повозиться. (*Указываетъ на мужа, усердно принявшагося за чай. Всѣ хохочутъ. А глядя на всѣхъ захохоталъ и Кар—въ*). Вишь вѣдь хохочетъ тоже, приличіе соблюдаетъ, чтобы

не подумали, что онъ глухой... и усы покручиваетъ молодецъ—молодцомъ... Ну-съ, и попробывали бы эти писаки съ такимъ сокровищемъ хоть съ недѣльку повозиться, небось не то бы заговорили... (*Разведя руками.*) Вѣдь каждый день раза три ноги растирать приходится: то камфорой, то муравлинымъ спиртомъ, то скипидаромъ... То банки ему къ поясницѣ приставь, то піявки... Вотъ вѣдь онъ каковъ милліонеръ то этотъ...

Трух. А вы бы фельдшера ему наняли...

Кар—ва. Не велитъ... Къ чему, говоритъ, я буду тратиться, коли у меня своя законная жена есть... Даже по ночамъ покою не даетъ: и за мѣсто развлеченій какихъ нибудь однѣ только непріятности: то на правый бокъ поверни его то на лѣвый... А ужъ ревнивъ... (*махаетъ рукой*).

Трух. Неужели?

Кар—ва. Поговорить ни съ кѣмъ не смѣй... Чиновникъ у насъ на дворѣ квартировалъ... Бравый такой и тѣлосложенія такого крѣпкаго... Такъ вѣдь въ квартирѣ отказалъ. Да чего чиновникъ... водовозъ воду возилъ къ намъ... молодой, краснощекій такой, и тому отказалъ.. такую то дохлятину нанялъ, что взглянуть скверно. (*Всѣ хохочутъ, а вмѣстѣ со всѣми и Кар—въ.*) Да что же это нашъ молодой то не идетъ? (*обращаясь къ Сар., который все еще на террасѣ любуется Волгой.*) Эй ты, молодой, на кого тамъ засмотрѣлся?. Слѣзай, чай замерзъ...

Сар. (*съ террасы.*) Сейчасъ, сейчасъ...

Кар—ва. Охъ ужъ это мнѣ старичье... Никакого то отъ нихъ толку... Только слава одна.

8) Тѣ-же и поваръ.

(**Поваръ** *одѣтъ по поварскому. Въ рукахъ у него два блюда. На одномъ большой кусокъ ростбифа, на другомъ—пылающій синимъ огонькомъ плумъ-пуддингъ Дверь отперъ ему* **дворникъ**).

Трух. (*увидавъ повара.*) А, принесъ. Отлично, отлично. (*Похлопавъ по столу.*) Ставь сюда. (*осмотрѣвъ кушанья*). Смотритъ хорошо.

Всѣ. Да, да...

Трух. (*повару, показывая на ростбифъ*). Нарѣзанъ?

Поваръ. Такъ точно-съ. (*Подаетъ ему записку*).

Трух. (*взявъ записку*). Это что такое?

Поваръ. Записка-съ.

Трух. Отъ кого?

Поваръ. Отъ барыни.

Всѣ (*кромѣ Кар—ва, поднявшись съ мѣста*). Отъ Людмилы Петровны?

Поваръ. Такъ точно-съ.

Трух. Да вѣдь она у себя, ботинки перемѣнить пошла?.

Поваръ. Никакъ нѣтъ-съ. Они уѣхамши.

Всѣ. Уѣхала?

Поваръ. Такъ точно-съ. Взяли съ собой горничную, маленькій сакъ-вояжикъ, сѣли на извозчика и поскакали... А записочку эту вамъ передать приказали.

Трух. (*растерянно.*) Господа, что же это такое?

Всѣ. Странно, очень странно.

Кар—ва. (*Подбѣжавъ къ Трух.*) Да прочитай записку то. Чего ты губы то развѣсилъ, словно баба какая. Читай.

Трух. (*упавшимъ голосомъ.*) Ужъ я и читать то боюсь... Сохрани, Господи.

Кар—ва. (*Вырываетъ у него записку и передаетъ Феоп.*). Читай...

Феоп. (*Трух.*). Позволяешь?

Кар—ва (*топнувъ ногой*). Читай, говорятъ тебѣ. (*становится фертомъ и вся превращается въ слухъ*).

Феоп. (*читаетъ*). Милостивый Государь Леонидъ Григорьевичъ...

Трух. (*про себя*). Милостивый Государь...

Феоп. (*продолжаетъ читать*). Я приглашена въ

оперное сосьете, совершающее свое артистическое турнэ по Волгѣ и въ слѣдующій же вторникъ должна танцевать лезгинку въ оперѣ «Демонъ». Сію минуту сажусь на пароходъ..

Сар. (*съ террасы*). Пароходъ, пароходъ... (*показывается пароходъ испускающій клубы дыма..*) Не разберу только, какъ называется. (*Пристально смотритъ въ бинокль*).

Кар—ва. (*Феоп. съ нетерпѣніемъ*). Да читай же...

Феоп. (*продолжаетъ*) Мы ѣдемъ вмѣстѣ съ Понизовскимъ.

Трух. (*схватываетъ себя за голову*). Съ Понизовскимъ?..

Феоп. (*продолжаетъ читать*)... который тоже во вторникъ поетъ въ «Демонѣ» заглавную роль. Извините, что уѣзжаю такъ внезапно, но долгъ службы — прежде всего. Всѣмъ мой поклонъ. (**Феоп.** *начинаетъ всѣмъ кланяться, а въ томъ числѣ и Кар—ву, который крѣпко жметъ ему руку и молодцевато расшаркивается*).

Кар—ва. Дальше, дальше, чортъ тебя возьми...

Феоп. Дальше—подпись: Преданная вамъ Людмила Сарматова.

Кор—ва. И все?

Феоп. Есть еще приписочка...

Кор—ва. Какая, какая?

Феоп. (*читаетъ.*) Ростбифъ и плумъ-пуддингъ посылаю.

Кор—ва (*восторженно.*) Люблю, молодецъ дѣвка, (*подбѣгаетъ къ Трух., немощно опустившемуся на диванъ*). Что, сударикъ, ты съ нею комедію розыгрывать вздумалъ, а она съ тобой по своему, по балетному... Пырьхъ... И поминай, какъ звали. Такъ васъ, дураковъ, и надо... (*хохочетъ*).

Трух. (*вскочивъ*). Дураковъ, говорите вы, дураковъ?.. Такъ нѣтъ же, я покажу вамъ, какой я дуракъ. (*бѣжитъ къ террасѣ*). Эй ты, баринъ, баринъ, какъ тебя, слѣзай-ка.

Сар. (*съ террасы торжествующимъ голосомъ.*) Ніагара, Ніагара... Вотъ какъ называется пароходъ... Ніагара...

Трух. (*взбѣшенный.*) Да слѣзай же, чортъ тебя возьми. Жена твоя убѣжала... (**Сар.** *Входитъ на сцену*). Слышишь ли, жена твоя убѣжала... съ Понизовскимъ... Телеграфируй, чтобы назадъ воротили, чтобы кандалы ей на ноги, этапнымъ порядкомъ...

Сар (*отмахиваясь руками*). Зачѣмъ она мнѣ?.. Вѣдь я только, чтобы тебѣ удовольствіе сдѣлать... а я и безъ нея обойдусь... (*расхохотавшись.*) Я, братецъ, вольная пташка. (**Всѣ** *хохочутъ*, **Трух.** *въ изнеможеніи падаетъ на диванъ*).

Занавѣсъ.

ДЕБЮТЪ.

Онъ вставалъ, ложился и вновь вставалъ, зажигалъ свѣчу и озирался кругомъ. Въ комнатѣ было пусто; только маятникъ за стѣной нарушалъ мертвое молчаніе. Тогда одиночество охватывало его съ новой силой, и онъ поспѣшно тушилъ огонь и зарывалъ голову въ подушки. Сонъ не смежалъ его усталыхъ очей. Грудь давило, сердце отъ непонятнаго страха сжималось тоскливо.

Голова горѣла; впечатлѣнія толпой осаждали и мучили его разгоряченный мозгъ.

Ночь тянулась медленно. Казалось, мракъ, поборовъ свѣтъ, болѣе не уступитъ своей власти. Онъ думалъ, что эта ночь будетъ вѣчная.

Мечты его разбиты, и онѣ не вернутся вновь. Яркое солнце не согрѣетъ и не оживитъ усталой груди и изстрадавшагося сердца.

Пускай—всегда ночь!

Горячія слезы медленно потекли по его лицу и смочили холодную подушку. Ему стало легче.

Эти слезы—его страданіе. Онѣ пришли изъ глубины его груди, чтобы утѣшить и приласкать своей теплотой. Да, ему остались только слезы, благородныя, чистыя слезы страданія!

Вчера онъ еще вѣрилъ въ жизнь, вѣрилъ въ человѣческое сердце, для котораго онъ собралъ всѣ перлы своей души и которому онъ принесъ свою первую и послѣднюю жертву. Но жертва не была принята, и холодный смѣхъ погасилъ пламень сердца идеалиста. Подобно умершимъ отъ дыханія мороза лепесткамъ розы, убитъ геній вдохновенія безсердечіемъ. Эта смерть была мгновенная и жестокая. Эта смерть, послѣ которой приходятъ страданія хроническія, неизлечимыя.

Нѣжный, какъ предразсвѣтная звѣзда, народившійся геній былъ уничтоженъ тысячью сердцами, сквозь грубую оболочку которыхъ не могъ проникнуть геній вѣры, любви и надежды. Мракъ поборолъ свѣтъ. Грубость разбила благороднѣйшую мечту.

Онъ жилъ всегда сердцемъ. Онъ былъ не глупъ, даже уменъ, и благороденъ

постоянно. Это благородство и деликатность происходили отъ той божьей искры, которую онъ чувствовалъ въ своей груди. Онъ искалъ другое теплое сердце съ такой же вѣрой въ добро и чистоту. Онъ искалъ, но не находилъ. Онъ постоянно ошибался, потому что всегда вѣрилъ.

Это заставляло его порой страдать долго и мучительно. Но страданія дѣлали его еще благороднѣе и еще больше укрѣпляли вѣру въ серьезное значеніе его, дѣйствительно, глубокаго, тонкаго чувства.

Онъ искалъ дѣятельности чувства. Онъ хотѣлъ его проводить въ жизнь. Онъ хотѣлъ, даже страстно желалъ, чтобы его сердце не только страдало, но жило и имѣло тѣсную связь съ жизнью милліоновъ сердецъ.

Онъ рѣшилъ сдѣлаться артистомъ—и выступить на сцену.

Его рѣшеніе было твердо. Никогда мысль и сердце не были такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ.

Онъ былъ, дѣйствительно, артистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Онъ былъ артистъ-человѣкъ и человѣкъ-артистъ. Онъ былъ впечатлителенъ. Страданья людей дѣйствовали на него неотразимо. Онъ страдалъ не только за

человѣка и съ человѣкомъ, но страдалъ за все живое, угнетаемое жертвой.

Онъ выбралъ подходящую для себя роль въ комедіи своего любимаго талантливаго автора.

Наступилъ вечеръ... Это было нѣсколько часовъ тому назадъ, когда произошелъ этотъ поединокъ между идеаломъ и прозой, между мечтой и дѣйствительностью.

Театръ былъ полонъ. Дамы блестѣли нарядами и бриллiантами. Мужчины были серьезны и важны. Взвился занавѣсъ, и вскорѣ на сценѣ появился дебютантъ. Онъ былъ молодъ и хорошо сложенъ— это понравилось дамамъ. Онъ держался прилично, и голосъ его звучалъ хорошо— этимъ были довольны мужчины.

Успѣхъ внѣшнiй былъ обезпеченъ.

Но что для истиннаго художника слава и извѣстность фотографа?!.

Спектакль шелъ обычнымъ порядкомъ. Артистъ увлекался. Мало-по-малу всѣ силы души, всѣ глубокiе перлы его чувства слились въ одинъ звучный аккордъ призыва къ любви, прощенiю и справедливости. Атмосфера зрительной залы наполнялась теплотой человѣческаго сердца, струны котораго звучали волшебной силой среди тысячной толпы, вызывая непонятное для нея безпокойство.

Художникъ во власти вдохновенія поставилъ все на карту.

Но банкъ былъ сорванъ фигляромъ-комикомъ...

Самолюбіе послѣдняго, это грошевое у актера чувство, призвало всю его опытность и злобу.

Оно заставило актера выкинуть «штучку», передъ которой спасовалъ бы даже хорошій клоунъ.

Послѣдовалъ дружный смѣхъ. Художникъ былъ забытъ, а паяцъ торжествовалъ среди грома рукоплесканій.

Finita la comedia!

На другой день въ газетахъ появились неопредѣленныя замѣтки о дебютѣ. Но кому онѣ нужны?!.

С. Васюковъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

(1675—1875 гг.).

(*Продолженіе см. № 146.*)

Въ томъ же апрѣлѣ, чрезъ нѣсколько дней, произошло крупное столкновеніе между артистомъ Даниловымъ и балетмейстеромъ Дидло. Такъ какъ Дидло былъ иностранецъ, которымъ въ Россіи изстари оказывалось предпочтеніе и большое уваженіе, то Даниловъ, безъ всякихъ особыхъ разговоровъ и церемоній, былъ, по распоряженію директора, посаженъ подъ строгій арестъ.

Въ маѣ того же года актриса Иванова имѣла весьма серьезную ссору съ актрисою Азаревичевою, при чемъ изъ ревности нанесла ей обиду дѣйствіемъ, при выходѣ изъ театра; но Азаревичева была первою зачинщицею,

Комитетъ, которому было донесено о происшествіи, не могъ долгое время разобраться въ хаосѣ подробностей этой исторіи, пока къ предсѣдателю не поступило частное письмо Азаревичевой, предоставленное комитету самимъ директоромъ театровъ. Комитетъ, вмѣстѣ съ директоромъ, принялъ сторону послѣдней, и актриса Иванова была подвергнута слѣдующему, болѣе или менѣе жестокому, взысканію, которому волею-неволею должна была безпрекословно подчиниться, подъ угрозою быть уволенной отъ службы: на ближайшей репетиціи, на сценѣ, въ присутствіи всѣхъ почти артистовъ труппы, было громогласно проглено отношеніе комитета къ директору по этому дѣлу, съ предложеніемъ Ивановой принести публичное извиненіе въ своемъ поступкѣ, что она и сдѣлала. По полученіи прощенія отъ Азаревичевой, Иванова была все-таки, согласно распоряженію комитета, посажена въ конторѣ подъ арестъ на одинъ день, а 17 мая директоръ театровъ поднесъ предсѣдателю комитета, графу Милорадовичу, письмо отъ своего имени и отъ имени артистовъ, съ почтительною благодарностью „за участіе и справедливую защиту, оказанныя г-жѣ Азаревичевой".

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія издавался всего только одинъ журналъ, говорившій о театрахъ, да и то онъ былъ спеціальный и назывался "Драматическій Вѣстникъ". Въ этомъ изданіи принимали участіе тогдашніе писатели: А. С. Шишковъ, князь А. А. Шаховской, И. А. Крыловъ, Н. И Гнѣдичъ и А. А. Писаревъ. Многія статьи, напечатанныя въ этомъ „Вѣстникѣ", могутъ быть признаны классическими; первыя басни Крылова были помѣщены въ немъ же; тѣмъ не менѣе, журналъ, въ виду его спеціальности, продержался всего только одинъ годъ (1808). Но потребность въ критикѣ ощущалась уже и тогда, и первая газета, начавшая помѣщать на столбцахъ своихъ театральныя рецензіи, была „Сѣверная Пчела", издававшаяся Булгаринымъ. Въ 1825 г. онъ вошелъ въ комитетъ, управлявшій придворными театрами, съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія: „Желая трудами своими принести пользу успѣхамъ драматическаго искусства

въ Россіи и усовершенствованію таланта артистовъ, принимаю смѣлость всепокорнѣйше просить оный комитетъ объ исходатайствованіи мнѣ разрѣшенія печатать въ издаваемой мною, вмѣстѣ со многими литераторами, газетѣ: разборы представляемыхъ на здѣшнихъ театрахъ пьесъ и сужденія объ игрѣ актеровъ, со всѣми условіями и ограниченіями, какія только комитету будетъ благоугодно опредѣлить въ своемъ позволеніи... Не имѣю надобности излагать передъ просвѣщенными членами сего комитета выгодъ, проистекающихъ отъ театральной критики; извѣстно, что драматическое искусство во Франціи, Англіи, Италіи и Германіи преимущественно сему средству одолжено своими блистательными успѣхами. Критика есть единственное средство, чтобы актеръ узналъ мнѣніе публики о своихъ трудахъ, и чтобы превосходный артистъ получилъ должную ему награду. Сверхъ сей пользы, дирекція будетъ имѣть выгоду и въ отношеніи къ сборамъ: вниманіе публики будетъ обращаемо на новыя, хорошія представленія, и многія особы, которыя теперь не думаютъ посѣщать театра, въ то время будутъ возбуждены къ принятію участія въ семъ благородномъ увеселеніи.

«Безпрепятствіе, благонамѣренность и тонъ благородный, веселый, не площадной, не педантскій—вотъ правила, которыя я и сотрудники мои предполагаютъ себѣ при семъ занятіи. Написанныя въ семъ же духѣ возраженія со стороны артистовъ или авторовъ пьесъ будутъ принимаемы безпрекословно. Всякая оскорбительная личность будетъ чужда совершенно симъ критикамъ. Придворные актеры не могутъ оскорбляться сужденіями объ ихъ трудахъ и дарованіяхъ, ибо литературные и художественные труды первыхъ въ государствахъ особъ подвергаются критикѣ, коль скоро появляются въ публику и становятся нѣкоторымъ образомъ ея достояніемъ. Сію покорнѣйшую мою просьбу, если бы комитетъ не могъ самъ разрѣшить, прошу представить куда слѣдуетъ по благоусмотрѣнію комитета.» Просьба Булгарина была уважена, но съ условіемъ просмотра статей до ихъ напечатанія, кромѣ цензуры, еще и въ дирекціи.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ЗНАКОМАЯ ТРОПИНКА.

Окончаніе.

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ еще молодой на видъ человѣкъ, со всѣми признаками драматическаго любовника.

— Вы! здѣсь! И уже знамениты!!.. произнесъ онъ, остановившись передъ нею въ мелодраматической позѣ, сдѣлавъ изъ всей своей красивой и статной фигуры нѣчто въ родѣ едва замѣтнаго поклона. Черный сюртукъ сидѣлъ на немъ безукоризненно. Циммерманъ держалъ онъ небрежно, схвативъ лѣвою рукою въ кулакъ, и такъ что донышко съ золотыми буквами было видно всегда всѣми находившимися передъ нимъ. Славская уже почти спокойно протянула ему руку, затѣмъ познакомила насъ и молча указала ему на кресло.

— Вы не повѣрите, заговорилъ онъ садясь и не выпуская шляпы изъ рукъ, какъ я былъ пораженъ, когда узналъ о вашемъ отъѣздѣ. Долгое время мѣстопребываніе ваше оставалось тайною какъ для меня, такъ и для всей вашей семьи... Затѣмъ, уже вслѣдствіе моей просьбы, одинъ изъ моихъ пріятелей сообщилъ о вашемъ громадномъ успѣхѣ здѣсь... въ этомъ извѣстномъ въ Россіи театрѣ?!

— Скажите... сюда вы зачѣмъ пріѣхали? вдругъ перебила его Славская.

— Только, чтобы видѣть васъ Софья Александровна, чтобы сказать вамъ, что теперь вы имѣете всѣ шансы поступить на императорскую сцену.

— Только теперь!.. Но теперь-то я на эту сцену и не поступлю. Она отвергла меня въ лицѣ вашемъ тогда, когда я искала пристанища, когда жаждала указаній, образцовъ для себя. Зачѣмъ она мнѣ теперь нужна, со всѣми ея затрудненіями, формальностями, историческими интригами, съ ея мѣстничествомъ!? Посмотрите вонъ на мой письменный столъ, и вы увидите карточки, письма и телеграммы—все это приглашенія изъ разныхъ театровъ. Теперь меня туда зовутъ какъ образецъ... И этого положенія я не промѣняю на ваше.

Славская видимо наслаждалась возможностью сказать

все то, что сказала; она какъ будто мстила ему въ эту минуту. Онъ замѣтно начиналъ чувствовать себя въ неловкомъ положеніи и съ трудомъ поддерживалъ разговоръ. Она вскорѣ перемѣнила тему, попросивъ дать свѣдѣнія о семьѣ, о знакомыхъ, о Москвѣ. Напившись чаю, я вскорѣ ушелъ и затѣмъ нѣсколько дней Славскую не видалъ. О пріѣздѣ московскаго актера въ городѣ заговорили, а вскорѣ послышались, разумѣется, и сплетни. Такъ какъ пріѣзжій остановился въ той же гостинницѣ и проводилъ все свое время съ Славскою, то сплетни какъ бы получали подтвержденіе. Мнѣ стало досадно, я рѣшился сходить къ ней, предупредить и посовѣтовать отправить актера поскорѣе обратно въ Москву. Когда я подошелъ къ гостинницѣ, то увидѣлъ коляску съ наложеннымъ въ ней багажомъ. На лѣстницѣ я встрѣтился съ актеромъ. Въ шикарномъ дорожномъ пальто, въ фуражкѣ, съ сакъ-вояжемъ черезъ плечо, онъ спускался по лѣстницѣ, раздавая на чай по сторонамъ, какъ это дѣлаютъ московскіе купцы на паперти, выходя къ нищимъ изъ церквей. Мы по пріятельски простились, пожелавъ другъ другу всего хорошаго въ жизни. Хотя причина моего визита исчезла вмѣстѣ съ актеромъ, я все-таки рѣшился зайти къ Славской. Красненькая, съ счастливою улыбкою, стояла она посреди комнаты, когда я вошелъ. Около былъ Поваленковъ, и обнимая ее, казался не менѣе довольнымъ. Я хотѣлъ было ретироваться, но она остановила меня:

— Поздравьте насъ!.. Вотъ мой женихъ!

Съ этими словами она опять повисла у него на шеѣ, а онъ цѣловалъ ее и въ голову, и въ губы, и въ глаза...

— Какъ же это такъ, вдругъ?! То поссорились, то все ужъ и поладили, рѣшился я сказать, и тѣмъ прервалъ эту нѣмую, но соблазнительную сцену, годную въ завязку любому драматическому произведенію послѣдняго времени.

Славская повернулась ко мнѣ, захохотавъ:

— Актеръ помогъ!!.. Этотъ приревновалъ и согла-

сился не брать меня со сцены проговорила она, начавъ опять цѣловаться.

На Ѳоминой недѣлѣ мы праздновали свадьбу нашей премьерши. На свадьбу пріѣзжали отецъ и мать Славской, весьма почтенные московскіе старожилы, а также ея сестра съ мужемъ, присяжнымъ повѣреннымъ, и братъ офицеръ одного изъ гусарскихъ полковъ, расположенныхъ въ Тверской губерніи. Свадебныя празднества длились цѣлые сорокъ восемь часовъ. Комикъ Пеликановъ, окруженный постоянно нѣсколькими комическими старухами смѣшилъ, по обыкновенію, до упаду, а резонеръ Протасовъ въ первые двадцать четыре часа такъ напился, что мы его потомъ не видѣли болѣе трехъ недѣль. По окончаніи пировъ, молодые уѣхали заграницу до августа мѣсяца.

Даже и теперь мнѣ грустно вспоминать о дальнѣйшей жизни этой крайне симпатичной парочки. Право, стоили они совсѣмъ другой участи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, они хорошо любили другъ друга, когда поженились. Всѣ письма, полученныя мною изъ Берлина, Парижа, Лондона, Ліона, Ниццы, затѣмъ изъ Швейцаріи, Италіи, Вѣны и Праги, убѣждали въ этомъ предположеніи вполнѣ. Оба молодые, оба воспитанные, здоровые, сильные, она съ надеждами и славою, онъ—гражданинъ, крупный собственникъ, покровитель искусства и меценатъ. Ясно, они могли быть счастливы, добровольно соединившись, чтобы помогать другъ другу легче и удобнѣе выполнить задачу жизни. Мнѣ казалось, что, именно, тутъ, въ этомъ миломъ супружествѣ, и сложились всѣ тѣ условія, которыя для счастья двухъ человѣческихъ жизней необходимы. Такъ разсуждалъ я, поджидая эту дорогую мнѣ парочку со дня на день и особенно нетерпѣливо по полученіи депеши изъ Варшавы объ ихъ скоромъ возвращеніи. Не могу не признаться, что я просто несказанно обрадовался послѣднему извѣстію, точно актриса Славская и помѣщикъ Поваленковъ были моими дочерью и сыномъ.

Для встрѣчи молодой четы вся труппа собралась на вокзалѣ желѣзной дороги, и общая радость была непод-

дѣльна. Славской поднесли нѣсколько букетовъ, а его встрѣтили со стаканами, наполненными шампанскимъ. Черезъ недѣлю назначено было открытіе театра, и я уже сдѣлалъ анонсъ, что Славская выступитъ, по возвращеніи изъ заграницы, въ „Семейныхъ разсчетахъ", лучшей роли своей, затѣмъ, черезъ день въ „Материнскомъ благословеніи", и на третій спектакль въ „Укрощеніи строптивой". Но извѣстно: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Удивленію нашему не было границъ. Славскую встрѣтили, правда хорошо, и за первый выходъ свой она была принята превосходно; тѣмъ не менѣе, прежнихъ овацій уже не было, и сборы въ теченіи всей недѣли не были, противъ обыкновенія, полными. Мы недоумѣвали, и съ лихорадочною поспѣшностью измѣнили репертуаръ; но и это не помогло. Объ игрѣ Славской по прежнему говорили, писали, ею восхищались; но всѣ эти похвалы и восторги приняли какой-то ровный, спокойный характеръ. Время шло, зимній сезонъ входилъ уже въ обычную колею, но не только прежнихъ раутовъ въ театрѣ не бывало, не бывало даже того, что называется оживленіемъ. Славская загрустила. Самолюбіе ея страдало еще и отъ другихъ мелочныхъ невниманій со стороны городского общества. На сдѣланныя ею визиты, прежнія знакомыя дамы не спѣшили визитами съ своей стороны, и какъ нарочно, съ самаго начала новаго сезона къ ней не явилось ни одной ученицы, точно всѣ онѣ были увѣрены, что она уже не можетъ заниматься ими, что ей теперь не до ученицъ. Самымъ же обиднымъ явленіемъ было то, что ни прежнихъ, ни новыхъ поклонниковъ у Славской не было, будто она и въ самомъ дѣлѣ измѣнилась за время путешествія, утратила свой талантъ, стала уже неинтересною. Послѣднее явленіе такъ возмущало ее, что мнѣ и бѣдному Поваленкову стоило не мало труда иногда успокоивать ее, убѣждать въ противномъ. Мы разъ какъ-то вмѣстѣ обѣдали, и вынуждены были встать изъ за стола, недообѣдавъ, потому что Славская расплакалась, какъ ребенокъ. Въ

сильномъ нервномъ раздраженіи, упала она въ сосѣдней со столовою комнатѣ на диванъ, и въ первую минуту намъ показалось, что она умерла. Нужно было видѣть отчаяніе бѣднаго мужа. Ухаживая, цѣлуя ее, онъ самъ готовъ былъ заплакать, и безъ сомнѣнія, въ такія тяжелыя минуты онъ упрекалъ себя за свое малодушіе, за согласіе оставить ее на сценѣ. Разумѣется, если онъ любилъ ее, то долженъ былъ тоже съ нею страдать и переживать ея мученія, вмѣстѣ съ собственнымъ мучительнымъ сознаніемъ въ полной невозможности какъ-либо помочь новому горю. Лишь только ей стало получше, она вскочила съ дивана и обдала насъ новымъ потокомъ рѣчи:

— Да, наше общество безобразно и служить ему не стоитъ! Пока я не была за мужемъ, я была первая, несравненная актриса! Не проходило дня, чтобы я не чувствовала, не сознавала своего значенія, своего вліянія! Ясно, что не актрисою восхищались они! Значитъ, большинству я была интересна только своею свободою!.. Они питали себя какими-то надеждами, восхищаясь мною, чего-то ждали отъ меня!.. Безобразно! гадко! мерзко!.. А кому? Кому я обязана своимъ настоящимъ убійственнымъ положеніемъ!?.. Вамъ, вамъ, подступила она къ мужу,— я была тысячу разъ права, когда отказывалась отъ брака съ вами. Что? что дали вы мнѣ?!.. Да если бы я, дѣйствительно, страстно любила васъ, то все-таки счастье при такихъ условіяхъ, было бы невозможно! Выйдя за васъ, я на всю жизнь погубила себя! Я все, все потеряла!.. Понимаете-ли: все!..

— Душечка, милая моя, успокойся, нѣжно и ласково говорилъ ей Поваленковъ.

— Оставьте, оставьте, уходите!.. Я не могу, я не хочу васъ видѣть!..

Такія сцены повторялись не разъ, подрывая въ конецъ ихъ отношенія. Къ Рождеству нервное состояніе Славской настолько ухудшилось, что она, заболѣвъ, слегла въ постель, чѣмъ почти остановила нашъ празднич-

ный репертуаръ. Волею-не-волею, я ее часто навѣщалъ, и всякій разъ, когда уходилъ, давалъ себѣ слово болѣе къ нимъ не возвращаться, такъ тяжело мнѣ было видѣть обоихъ. Не смотря на полное матеріальное довольство, ихъ домъ казался мнѣ могилою. Они почти никогда вмѣстѣ не сходились, но каждый отдѣльно жестоко страдалъ. За время болѣзни она похудѣла, побледнѣла, и, конечно, утратила большую часть, своихъ внѣшнихъ прелестей. Онъ былъ такъ серьезенъ и мраченъ, будто наканунѣ самоубійства. Я какъ-то сообщилъ ему свое впечатлѣніе, и онъ мнѣ на это отвѣтилъ поправкою:

— Не наканунѣ, а ужъ послѣ покушенія. Мой несчастный бракъ—былъ покушеніе!

Около половины января Славская могла уже играть. Трехъ-недѣльная болѣзнь точно отрезвила ее. Она стала веселѣе, казалась оживленною, даже какъ будто чѣмъ-то довольною, но въ исполненіи ролей стала замѣчаться какая-то небрежность, родъ какой-то апатіи къ дѣлу. Въ то же время, мы не могли не замѣтить въ ней признаки доселѣ невиданнаго у нея кокетства. Туалеты ея бывали иногда настолько роскошны, что приковывали общее вниманіе, а на обыкновенныя репетиціи она пріѣзжала нерѣдко украшенная дорогими золотыми вещами и бриллiантами. Что засѣло у нея въ головѣ—мы не понимали, но происшедшая въ ней перемѣна болѣе всего отозвалась на мнѣ, на моемъ спокойствіи. Бѣдный Поваленковъ избралъ меня повѣреннымъ своего наболѣвшаго сердца, начавъ жестоко ревновать жену. Разумѣется, серьезныхъ поводовъ къ своему новому несчастному чувству онъ не имѣлъ, но ненормальность сложившейся жизни, исключительное положеніе жены, какъ провинціальной актрисы, а, главное,—установившіяся между ними какія-то особенныя отношенія, естественно могли породить не только сомнѣнія всякаго рода, но и серьезныя недоразумѣнія, создать подозрительность, и, конечно, поколебать душевное состояніе. Во всякомъ случаѣ, для меня уже становилось яснымъ, что въ положеніи, въ которомъ очути-

лась близкая мнѣ молодая чета черезъ годъ послѣ брака, долго оставаться нельзя – струна замѣтно была уже слишкомъ натянута. Въ одну изъ субботъ, когда не было спектакля, послѣ обѣда, пріѣхала за мною карета Поваленковыхъ, и кучеръ передалъ просьбу сейчасъ же пожаловать къ нимъ. Я, конечно, поѣхалъ, не сомнѣваясь, что натянутая струна уже лопнула. Всѣ двадцать минутъ, нужныя на переѣздъ въ ихъ загородный домъ, продумалъ я о томъ, какую могли принять форму концы этой струны? Мои мысли не рисовали мнѣ ничего утѣшительнаго.

Встрѣтившій на подъѣздѣ лакей просилъ меня пожаловать прямо въ кабинетъ барина, подходя къ которому я услыхалъ громкій, энергическій споръ; когда я былъ у дверей, выдѣлился голосъ Поваленкова. Онъ почти кричалъ:

— Ты рѣшительно не права, у насъ передъ глазами имѣются прекрасные примѣры! Большинство лучшихъ артистокъ императорскихъ театровъ состоятъ въ замужествѣ за людьми, къ театру не причастными, а, между тѣмъ, на сколько извѣстно, ихъ жизнь течетъ вполнѣ благополучно.

Я на минутку остановился у дверей, хотя и взялся уже за ручку: мнѣ хотѣлось ранѣе узнать, въ чемъ дѣло.

— Вотъ это мнѣ нравится, также горячо крикнула Славская,—императорскія артистки не провинціальныя!! Ихъ жизнь, ихъ домашній бытъ, ихъ сценическая дѣятельность складываются совсѣмъ иначе, и онѣ не могутъ выставляться примѣромъ для насъ. На императорскую артистку всегда смотрятъ какъ на барыню, ее считаютъ дамою, тогда какъ насъ принимаютъ вездѣ и всюду за женщинъ полусвѣта и третируютъ, какъ простыхъ камелій! Мы и должны быть, въ сущности, такими, что бы...

Я повернулъ ручку двери и вошелъ. Мужъ и жена бросились ко мнѣ. Поваленковъ хотѣлъ было заговорить, но она перебила его.

Я звала васъ по экстренному дѣлу, обратилась она ко мнѣ, взявъ за руку.—Я рѣшилась въ угоду ему для его счастья оставить сцену навсегда.

Нѣкоторыя слова произнесены были съ удареніемъ на нихъ.

Онъ не отходилъ отъ меня, и вслѣдъ за нею, взявъ въ свою очередь, за руку, скороговоркою проговорилъ:

— Знайте, однако, что я отъ нея этого не требовалъ Я не требовалъ.

— Твои слова, твои упреки и дѣйствія равносильны требованію, обратилась она уже къ нему, потащивъ меня безсознательно рукою.

— Неправда, кричалъ онъ, всѣ мои дѣйствія основаны на безграничной привязанности къ тебѣ, и если я что говорю, то потому только, что ты скоро будешь матерью. Надобно же хоть къ этому отнестись сердечнѣ, внимательнѣе, посерьезнѣе

Споръ, въ которомъ и я принялъ невольно самое горячее участіе, продлился до пяти часовъ утра. Въ итогѣ я долженъ былъ стать посредникомъ между нею и Ксенофонтомъ Филипповичемъ по вопросу о неустойкѣ, такъ какъ Славская нарушала условіе за восемь мѣсяцевъ до срока. Дѣло скоро удалилось, и мы вновь провожали Поваленковыхъ на вокзалъ желѣзной дороги. Проводы были такъ грустны, что я рѣшительно не въ состояніи передавать подробности. Мы точно хоронили эту парочку. Плакала она, плакалъ я, плакали всѣ, даже Ксенофонтъ Филипповичъ, не знавшій до этого дня, что значатъ слезы, что значитъ привязанность или привычка. Разумѣется, провожали съ виномъ и съ надлежащими тостами, но когда поѣздъ тронулся, Ксенофонтъ Филипповичъ подошелъ ко мнѣ, и нагнувшись на ухо, спросилъ:

— Кѣмъ же мы ее замѣнимъ? Нельзя ли какую еще позаористѣе этой! Ужъ вы, батенька, постарайтесь, прибавилъ онъ.

Поваленковы отправились сперва въ Москву, а зѣ-

тѣмъ имѣли въ виду уѣхать заграницу на болѣе или менѣе продолжительное время.

Прошло, кажется, около года. Сперва я получалъ письма отъ нихъ, но потомъ ничего уже не зналъ и не слыхалъ. Какъ-то въ городѣ разнесся слухъ, что онъ продавалъ свое подгородное имѣніе, но мнѣ не случилось узнать никакихъ по этому слуху подробностей. Однажды, вернувшись домой съ репетиціи, я, къ немалому своему удивленію, нашелъ на своемъ столѣ карточку Поваленкова. Внизу было приписано: Жалѣю, что не засталъ, остановился въ «Лоскутной» и очень бы желалъ видѣть". Я, разумѣется, сломя голову бросился въ гостиницу, но какъ это всегда бываетъ, когда кого непремѣнно кого хочешь увидѣть, не засталъ его дома. Въ гостиницѣ, однако, меня утѣшили извѣстіемъ, что того, кто пожалуетъ, приказано попросить обождать, что скоро возвратятся. На мои разспросы мнѣ, между прочимъ, объяснили, что Поваленковъ пріѣхалъ наканунѣ вечеромъ съ поѣздомъ желѣзной дороги и одинъ. Не долго пришлось мнѣ его ожидать. Когда онъ вошелъ въ нумеръ, то показался мнѣ до такой степени измѣнившимся, что я едва узналъ его. Передо мною стоялъ больной почти старый человѣкъ. Онъ кинулся мнѣ на шею.

— Гдѣ же Софья Александровна? былъ мой первый вопросъ.

— Она осталась въ Москвѣ, у матери своей, мы съ нею разъѣхались, едва проговорилъ онъ, горько зарыданъ на моемъ плечѣ.

Я былъ такъ пораженъ, что не могъ выговорить ни слова. Да и что можно было бы на это сказать!.. Послѣ продолжительнаго молчанія, онъ, не разсказывая подробностей, сообщилъ, что за годичный періодъ времени они убѣдились въ невозможности жить вмѣстѣ, что интересы ихъ оказались несходными, что они другъ друга не поняли и т. п. Прямо изъ заграницы онъ привезъ ее къ родителямъ въ Москву, гдѣ они и видѣлись, быть можетъ, въ послѣдній разъ въ жизни. Сюда онъ пріѣхалъ на нѣ-

сколько дней для устройства дѣлъ, такъ какъ имѣніе онъ продалъ и переселяется въ Петербургъ на постоянное жительство.

— Я предоставилъ Софьѣ Александровнѣ на воспитаніе нашей дочери триста рублей въ мѣсяцъ, закончилъ онъ свое сообщеніе

Мы разстались въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и черезъ два дня онъ, дѣйствительно, уѣхалъ совсѣмъ.

Мѣсяца черезъ три въ труппѣ нашей заговорили о неодобрительной рецензіи, появившейся въ газетахъ по поводу дебюта въ казанскомъ театрѣ молодой драматической актрисы Славской-Невѣровой. У всѣхъ явилось сильное подозрѣніе, что это была Софья Александровна Иоваленкова. Вторая фамилія Невѣровой ставила насъ, однако, въ тупикъ. По репертуару, сообщенному въ корреспонденціи, это должна была быть наша Славская, но зачѣмъ ей понадобилось быть еще Невѣровою—намъ было непонятно. Рѣшено было черезъ письмо къ артистамъ казанской труппы навести справки. Черезъ недѣлю мы убѣдились въ справедливости нашихъ догадокъ. Это была она. Фамилія Невѣровой прибавилась потому, что она явилась въ Казань, какъ оттуда сообщали съ мужемъ тоже актеромъ Невѣровымъ. Въ провинціальныхъ труппахъ принято подобныя связи называть браками. По всей вѣроятности, актеръ Невѣровъ былъ изъ второстепенныхъ, и для приданія ему нѣкотораго вѣса въ театральномъ мірѣ, къ ея фамиліи была прибавлена его. Оказалось что въ нашей труппѣ нѣкоторые знали Невѣрова. Это былъ красивый, но дрянной малый.

Разставшись съ мужемъ, разумѣется, Славской ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ вновь поступить на сцену. Препятствіемъ былъ онъ, а его для нея уже не было. Хотя все что она продѣлала, не могло быть для меня, какъ стараго режиссера, новостью, тѣмъ не менѣе въ моихъ глазахъ она потеряла все. По тому же своему опыту я имѣлъ основаніе полагать, что она, что называется—свихнулась, и для серьезнаго искусства пропала.

Прошло десять лѣтъ, и много за это время воды утекло. Окончивъ сезонъ въ тифлисскомъ театрѣ, я на великій постъ пріѣхалъ въ Петербургъ пожунровать. Кто не знаетъ Петербурга? На одномъ Невскомъ можно встрѣтить людей, давно уже мысленно предположенныхъ въ могилахъ. Рыская по гдроду, посѣщая родныхъ и знакомыхъ, я какъ-то былъ приглашенъ артистомъ александринскаго театра В—вымъ на ужинъ. Помимо того, что мы когда-то вмѣстѣ служили въ виленскомъ театрѣ, наши отношенія и до сегодня пребываютъ самыми дружескими. Про вечера и гостепріимство В—ва у насъ въ провинціи разсказываютъ чудеса, и потому я вовсе не былъ удивленъ, пріѣхавъ къ нему, когда встрѣтилъ самый радушный пріемъ, громадное общество и массу знакомыхъ лицъ. Наслушавшись пѣнія, насмотрѣвшись на танцы веселаго общества, я рѣшился заглянуть въ комнату, отведенную подъ буфетъ. Въ ней толпились, шумѣли, пѣли и цѣловались въ дружескихъ изліяніяхъ захмѣлѣвшіе гости. Вдругъ надъ моимъ ухомъ раздалось громогласное:

— Кого я вижу!!.. И громадныя руки обхватили меня.

Разглядѣвъ, я узналъ комика-буффъ Пеликанова, съ которымъ, Богъ знаетъ, сколько лѣтъ не встрѣчался. Мы искренно обрадовались свиданію и, чтобы поговорить, вышли въ сосѣднюю комнату.

— Давно-ли здѣсь? спросилъ я его.—Зачѣмъ пріѣхалъ? Гдѣ служишь?

— Со второй недѣли здѣсь; домогаюсь дебюта на императорскій; В—въ обѣщалъ помочь, говорятъ, теперь всѣмъ можно. Мы вдвоемъ хотимъ дебютировать: я и Невѣровъ. Двумъ дебютантамъ легче выбрать піесу.

Въ самомъ оживленномъ разговорѣ мы сообщили другъ другу о нашемъ житьѣ-бытьѣ за время, въ которое не видѣлись. Всего, однако, сообщить другъ другу не успѣли.

— Да зайди ко мнѣ, поболтаемъ еще, познакомлю съ женою; вѣдь, я не одинъ здѣсь, а со всѣмъ семействомъ, прибавилъ онъ.

— Давно-ли ты женатъ? Я что-то не слыхалъ о твоей свадьбѣ.

— Собственно говоря, я не вѣнчался, а живу съ одною... опереточною, но она играетъ и въ драмѣ, со Славскою-Невѣровою, вотъ уже шесть лѣтъ. Ахъ! Боже мой! Что я! Да ты ее знаешь! Софья Александровна Поваленкова! Вотъ будетъ рада! Мы съ нею часто говариваемъ о тебѣ... Вотъ обрадуется!...

Великановъ говорилъ еще что-то о ней, обо мнѣ, о себѣ, о дебютѣ, но я ничего не слыхалъ. Извѣстіе было такъ неожиданно, такъ непріятно мнѣ, что я невольно вспомнилъ все, что произошло на моихъ глазахъ двѣнадцать лѣтъ назадъ въ г. С—вѣ; вспомнилъ такъ живо, точно все это было наканунѣ. Предстоявшая возможность увидѣться, посмотрѣть, что съ нею сталось, кинула меня даже въ нервную лихорадку.

— Заходи завтра: Николаевская, 14; представлю тебѣ дѣтей! Такіе, братецъ, молодцы, что хоть сейчасъ на сцену! Поютъ куплеты... Да какъ!

Не помню, о чемъ мы еще поговорили съ нимъ, но помню, что зайти обѣщалъ, и, дѣйствительно, въ три часа на другой день я былъ у нихъ.

Встрѣтивъ въ передней, онъ поспѣшилъ извиниться, что на нѣкоторое время оставитъ меня, такъ какъ долженъ по дѣлу уѣхать. Мы вошли въ гостиную, откуда онъ нѣсколько разъ кричалъ: „Сонинка, Сонинка", но Славская долго не показывалась.

— Ужъ извини, дождись ее одинъ, а мнѣ выѣхать необходимо. Дѣти гуляютъ, а какъ вернутся, она тебѣ ихъ покажетъ, сказалъ Великановъ и, крикнувъ еще разъ въ дверь: „Сонинка, иди, я уѣзжаю", вышелъ изъ квартиры. Я остался въ гостиной одинъ.

Этотъ крикъ „Сонинка" такъ и рѣзалъ мнѣ ухо. Кто, кто, должно быть, не называлъ ее этимъ именемъ?! Первый „Сонинкою", вѣроятно, звалъ, ее московскій знаменитый актеръ, посвятившій ее и въ тайны, и въ прелести драматическаго искусства; второй звалъ ее такъ

Поваленковъ, не мало содѣйствовавшій къ упроченію успѣха ея первыхъ шаговъ на сценическихъ подмосткахъ; потомъ въ силу обстоятельствъ, во имя удобствъ, по-товарищески, служа совмѣстно искусству, кричали ей „Соничка“, „Соничка“ Невѣровъ, Пелиховъ, а быть, можетъ, еще и другіе, неизвѣстные намъ товарищи...

Наконецъ, она показалась. Если бы я не былъ увѣренъ, что это была Славская, то я бы ея рѣшительно не узналъ. Передъ моими глазами была все еще очень красивая, но совсѣмъ другая женщина, и отъ прежней оставались только одни чудные глаза, черные и еще блестѣвшіе, но уже не прежнимъ, а какимъ-то новымъ особеннымъ точно болѣзненнымъ свѣтомъ. Пожимая руки и всматриваясь другъ въ друга, мы имѣли видъ совершенно сконфуженныхъ. Надо было, однако, заговорить.

— Гора съ горою не сходятся, а вотъ мы... началъ было я.

— Сядемте, перебила она,—и поговоримъ. Я очень рада видѣть васъ, потому что всегда любила. Особенно же рада, что мы встрѣчаемся теперь, а не тогда, вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ С... помните?

— И я, Софья Александровна, этому обстоятельству всегда радовался. Тогда мнѣ очень не хотѣлось увидаться съ вами.

— Хорошо еще, что наши желанія сходились, а то, вѣдь, блуждая по Россіи, мы непремѣнно бы гдѣ-нибудь да встрѣтились. Я такъ боялась свиданія съ вами, что принимала приглашенія театровъ, только убѣдившись, что буду находиться далеко отъ васъ.

— А теперь уже не боитесь болѣе? А я, вѣдь, все тотъ же, режиссеръ, другъ священникъ, отецъ, руководитель...

— Съ теченіемъ времени я, какъ говориться, обтерлась и въ житейской борьбѣ настолько закалилась, что мнѣ теперь все стало трынъ-трава. Иногда, впрочемъ, и на меня такія глупыя минуты находятъ, что вспоминается про-

шлое; жаль тоже бываетъ этого Поваленкова, все-таки онъ былъ добрый и порядочный.

— И любилъ же онъ васъ, Софья Александровна, вставилъ я тономъ серьезнымъ,—какъ любилъ!

— Пожалуй, любилъ, да; но, знаете, какъ-то странно, по своему, ревниво, слащаво! Пожалуй, даже слишкомъ любилъ, прибавила она, сдѣлавъ такую гримасу и махнувъ при этомъ такъ рукою, какъ бы желая дать понять, что, именно, этого какъ бы и не надо было.

— Кстати, что онъ? Гдѣ онъ? спросила она.

— Не съумѣю вамъ сказать.

— Я ничего не знаю ни о немъ ни о нашемъ ребенкѣ съ тѣхъ поръ, какъ развелись.

— А вы разведены?

— Давно и окончательно. Лѣтъ шесть назадъ онъ этого пожелалъ, я согласилась и отдала ему дочь. У меня въ то время было уже трое дѣтей, и я была очень рада отъ Машеньки отдѣлаться, да къ тому же она была такая болѣзненная, что чрезвычайно стѣсняла меня.

Я смотрѣлъ на нее, слушалъ и все отыскивалъ чего-нибудь изъ прежняго, кромѣ глазъ, но поиски мои были безуспѣшны. Въ эту минуту въ передней послышался звонокъ, а затѣмъ раздался дѣтскій визгъ и хохотъ.

— Я васъ сейчасъ познакомлю съ моею... оравою, проговорила она, убѣгая въ переднюю.

Вскорѣ она привела оттуда дѣвочку и трехъ мальчиковъ. Всѣ были прехорошенькіе курчавые и на видъ здоровые. Дѣвочка была вылитая мать, я съ нею заговорилъ, поцѣловалъ нѣсколько разъ.

— Какъ васъ, душечка, зовутъ?

— Соничка, отвѣтила она безъ всякой застѣнчивости, прибавивъ:—какъ маму папа-буффъ зоветъ.

Славская расхохоталась, улыбнулся и я.

— Гдѣ же вы сейчасъ были, милая Соничка? продолжалъ я допрошивать.

— Гуляли... на Невскомъ были, леденцовъ купили.

— Она все говоритъ и уже очень бойко; вся въ отца

Невѣрова вышла, вставила совершенно спокойно Славская, и взявъ, мальчиковъ за руки, повела ихъ, вѣроятно, снимать бывшія на нихъ ватныя пальто.

— Это хорошо, обратился я опять къ дѣвочкѣ,—что вы такъ мило разговариваете. Ну, скажите мнѣ, кого вы больше всѣхъ любите?

— Маму и папу.

— А кого больше?

— Маму и папу.

— Я спрашиваю, кого больше: маму вашу или папу?

— И маму, и папу.

— Вотъ это хорошо, что обоихъ любите больше. А знаете-ли, сколько вамъ лѣтъ?

— Семь.

— Знаетъ, милая Соничка, знаетъ. Ну, а какъ зовутъ вашихъ братцевъ?

— Кока одинъ, Миша другой, Вася третій, считала она на пальцахъ.

— Превосходно. Ну, а знаете-ли, какъ ваша фамилія? Вотъ и не знаете, милая Соничка!

— Конечно, знаю, отвѣтила она улыбаясь и кривляясь.

— Ну, какъ же? Говорите, коли знаете.

— Славская-Невѣрова-Пеликанова, отвѣтила она пресерьезно.

С. Т.

Конецъ.

*
* *

На душѣ какъ-бы ни было тяжко моей,
Какъ-бы сердце тоскливо ни билось,
Мнѣ достаточно только увидѣть дѣтей,
Чтобъ легко мнѣ тотчасъ становилось.

Ихъ безпечныя игры и звукъ голосовъ
Всѣ печали мои разгоняютъ,
Забываю я пошлыя сплетни враговъ,
Раны старыя въ мигъ заживаютъ.

Самому вспоминается дѣтства пора,
Вспоминаются тотчасъ тѣ годы,
Когда жизнь мнѣ казалася полной добра,
Полной счастья, любви и свободы.

Вспоминаются матери бѣдной моей
Безкорыстныя, тихія ласки,
Звукъ ея поцѣлуевъ, взглядъ кроткихъ очей
И прелестныя чудныя сказки.

Съ новой силой въ груди наболѣвшей моей
Воскресаютъ уснувшія силы,
Снова мысль въ головѣ закипаетъ сильнѣй
И не страшенъ мнѣ призракъ могилы.

Неудачи, обиды, удары судьбы,—
Все въ мгновенье какъ-будто мельчаетъ
И безвыходно-жгучая жажда борьбы
Снова душу мою наполняетъ.

П. И. Кичеевъ.

Между прочимъ, обратить разстояніе: *А. П. Чехова, П. П. Гнѣдича, Т. Л. Щепкиной-Куперникъ, Н. Л. Щепкина, В. В. Потапенко, Е. П. Гославскаго, В. М. Михеева* (съ фототипическими воспоминаніями и портретами авторовъ). *Гоголевскія живописорное изданіе.* Изданіе 2-е. Цѣна 80 коп.

Подъ лѣтнимъ небомъ, встрѣчи и впечатлѣнія. *С. П. Филиппова.* Цѣна 1 р.

Художники, очерки и разсказы *В. М. Михеева.* Цѣна 1 р.

Убылъ душа.—Около истины. Двѣ повѣсти. *И. Л. Щепкина.* Ц. 1 р.

Сквозь дымки смѣхи. 10 разсказовъ *И. Л. Щепкина.* Ц. 1 р.

Вопросъ о цвѣтномъ слухѣ. *А. Бихъ.* Ц. 60 к.

Уютный уголокъ, пов. *И. А. Сокова.* (Росскоп. миніат. изданіе.) Ц. 80 к.

Бдѣни. Очерки и разсказы *Вячеслава Погонскаго.* Ц. 1 р.

Влюбленный дьяволъ, повѣсть *Калоши.* (Росск. миніат. изд.) Ц. 80 к.

Воспоминанія актера А. А. Алексѣева (съ двумя портрет.). Ц. 1 р.

Лебединая роскошь, роман въ 2-хъ частяхъ. *В. М. Крыжевскаго.* Ц. 2 р.

Для домашнихъ и любительскихъ спектаклей. Сборникъ пьесъ *К. М. Бобчинскаго, В. В. Бальбичка, П. П. Гнѣдича, Г. П. Грекова, Вл. И. Немировича-Данченко, О. П. Потапенко, А. П. Чехова, А. М. Шимановаго, Н. Л. Щепкина, Т. Л. Щепкиной-Куперникъ* и др. Ц. 2 р., для подписч. на „Театралъ"—1 р. 50 к.

Указатель 953 пьесъ для любительскихъ спектаклей, съ обозначеніемъ ролей по классамъ и нужныхъ декораціяхъ, составл. *Н. Г. Леонтьевымъ.* Ц. 50 к., для подписч. на „Театралъ" 25 к.

Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. *К. П. Крыжановскаго.* Ц. 50 к., для подписчиковъ на „Театралъ" —25 к.

Сирень. 15 разсказовъ *С. П. Филиппова.* Ц. 1 р. 25 к.

Драматическія произведенія Вл. Александрова. Т. I. (съ портретомъ автора) и Т. II. Ц. по 2 р., для подписчиковъ на „Театралъ" —по 1 р. 50 к.

Родина, драма въ 4 д. *Г. Зудермана,* пер. съ нѣм. *О. А. Кужелева.* Ц. 50 к.

Яблочко отъ яблони (Lole's Valer), пьеса въ 3 д. *Л. Дрожжи,* перевелъ *В. А. Кумминъ* Ц. 50 к.

Выписывающіе непосредственно изъ редакціи журналовъ «Читатель» и «Театралъ» (Москва, Страстной бульваръ, д. Адельгейма) *за пересылку не платятъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Доставленныя въ редакцію сочиненія должны быть снабжены адресомъ автора.—Сочиненія, присланныя въ редакцію безъ обозначенія условій гонорара, считаются безплатными.—Сочиненія, принятыя для напечатанія въ журналѣ, подвергаются, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными къ помѣщенію въ журналѣ, возвращаются авторамъ безъ объясненія причинъ.—Обратная пересылка такихъ произведеній съ авторами производится на счетъ авторовъ.—Сочиненія эти хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ и затѣмъ уничтожаются; малыя же статьи, объемомъ менѣе печатнаго листа журнала (32 стр.), хранятся не подлежатъ.

Редакція отвѣчаетъ только на тѣ письма, въ которыхъ приложены почтовыя марки. Отвѣты для редакціи не обязательны, хотя бы и были приложены марки на отвѣтъ.

За перемѣну адреса уплачивается 25 коп. Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ иногородняго подписчикамъ, которые прилагаютъ при высылкѣ подписки—19 коп. почтовыми марками.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журнала обращаются исключительно въ редакцію, съ указаніемъ нумера, напечатаннаго на адресѣ подписчика, и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала не была получена.—Жалобы должны быть сообщаемы въ редакцію не позже полученія слѣдующей книги.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 30 к. съ годоваго экземпляра. Кредитъ разсрочекъ по доставленнымъ имъ подписямъ не допускается.

Новые подписчики могутъ пріобрѣтать полные комплекты журн. „Читатель" за прош. года по подписной цѣнѣ (5 руб. безъ пересылки). Пересылка по разстоянію.

Открыта подписка на 1898 г.

Годъ 8-й. НА ЖУРНАЛЪ 8-й годъ.

„ТЕАТРАЛЪ"

ВЫХОДИТЪ 50 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Въ каждой книжкѣ помѣщается одна пьеса по возможности современнаго репертуара одновременно съ ея постановкой на столичной сценѣ. Къ каждой книжкѣ прилагается

ПОРТРЕТЪ АРТИСТА, ДРАМАТУРГА ИЛИ КОМПОЗИТОРА.

Гг. подписчики въ теченіе года получаютъ:

50 драматическихъ произведеній и **50** портретовъ: артистовъ, драматурговъ и композиторовъ.

Сверхъ того, въ программу журнала входятъ: а) Статьи по общимъ вопросамъ театра, б) Режиссерскій отдѣлъ: статьи по гриму, костюмамъ, постановкамъ пьесъ (съ рисунками) и проч., в) Очерки и разсказы, преимущественно изъ театральнаго быта, г) Современное обозрѣніе—критическія статьи о новостяхъ драмы и оперы, д) Корреспонденціи, е) Хроника, ж) Библіографія, з) Справочный отдѣлъ, и) Ноты, антрактовая музыка.

Музыкальный отдѣлъ значительно расширенъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ТЕАТРАЛЪ».

	На годъ.	На 1/2 г. (25 №№.)	На 1/4 г. (16 №№.)
Безъ доставки.	7 р.	3 р. 50 к.	2 р. 50 к.
Съ доставкой и перес. .	8 р.	4 р.	2 р.

За границу при пересылкѣ: простой бандеролью разъ въ мѣсяцъ 11 руб., еженедѣльно 12 руб., заказной бандеролью—разъ въ мѣсяцъ 12 руб., еженедѣльно 16 руб.

Подписка на 1/2 г. принимается только съ 1 января, 1 мая и 1 сентября, а полугодная только съ 1 января и 1 іюля.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р., а затѣмъ послѣ каждыхъ четырехъ книжекъ по 1 руб. до полной уплаты всей подписной суммы.

Подписка на истекшіе сроки не принимается.

Отдѣльные нумера «Театрала» по 50 коп. и по 1 руб.:

№№ 66, 87, 89, 96, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 109, 111, 112, 133, 137, 139 и 142.

№ 1 весь проданъ.

Комплекты «Театрала» (безъ № 1) за 1895 годъ продаются въ конторѣ по 10 руб. въ переплетѣ, съ пересылкой 12 руб.

За 1896 г.—12 руб., съ перес. 14 руб.

Новые подписчики на „Театралъ" пользуются съ этой цѣны уступкой: 1895 г. за 8 и 10 руб., 1896 г. за 10 и 12 руб.

При единовременномъ пріобрѣтеніи не менѣе 10 экз. разныхъ №№ дѣлается скидка 20%, не менѣе 10 экз. одного №—40%.

„Театральная Библіотека"

ежемѣсячный журналъ. Подписная цѣна: *безъ доставки* на годъ—3 руб., на полгода 2 руб., на 4 мѣс.—1 руб. 50 коп., *съ пересылкой* на годъ—4 руб., на полгода—3 руб., и на 4 мѣс.—2 руб. Подписка принимается только отъ подписчиковъ на „Театралъ".

Цѣна отд. № «Театральной Библіотеки»—1 р., томъ (4 книжки)—3 р.

Книги прежнихъ лѣтъ продаются только отдѣльными книжками или томами.

Вносимающіе въ редакціи за пересылку не платятъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „Театралѣ" принимаются съ платою за каждый разъ 20 р. за страницу, 10 р. за половину и 5 р. за четверть страницы.

Подписка принимается и отдѣльные нумера продаются въ конторѣ журнала „Театралъ" (Москва, Страстной бул., д. Адельгейма), *въ отдѣленіяхъ конторы:* въ Петербургѣ при книж. маг. М. М. Ледерле (Невскій, 42), въ Москвѣ: при типогр. И. Г. Чуксина, уг. Б. Дмитровки и Столешниковаго п., соб. д., при книжномъ магазинѣ „Трудъ" Тверская улица, у Н. Н. Неновской, въ Кіевѣ, въ книж. магаз. Ивановскаго, въ Харьковѣ,—въ складѣ „Южнаго Края", въ Томскѣ и Иркутскѣ, въ кн. маг. Макушина и, кромѣ того, въ книж. маг. Лужнова, Карбасникова, Вольфъ, Сухорина, газеты „Новости" (СПБ. Б. Морская, 23), въ библіотекѣ В. Вилкова-Семенова (СПБ., Троицкая, 6), въ книжной лавкѣ Московскаго Большаго театра и въ Ростовѣ-на-Дону, Телеграфное Агентство. Для юга Россіи и для Болгаріи въ книж. магазинахъ Е. П. Распопова въ Одессѣ.

За редакторъ *А. С. Сетовъ.* Издатель-пица *О. К. Куманина.*